

Виталий Акменс

Царствие бесное

Виталий Акменс

Царствие бесное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43201503

ISBN 9785005010704

Аннотация

Трагедии на сельских дорогах порой связывают людей, которые еще вчера были даром друг другу не нужны. Иногда этому помогает забытая всеми деревня с руинами красивой старой церкви... и таинственными жителями, обретшими какую-то альтернативную форму духовности.

Содержание

01	5
02	23
03	39
04	57
05	76
06	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Царствие бесное

Виталий Акменс

© Виталий Акменс, 2019

ISBN 978-5-0050-1070-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она спешила. Вернее так, ей хотелось верить, что она спешит. Хотелось верить, что можно поднажать и успеть на что-то важное и срочное, потому что размышлять о том, от чего можно убежать, а от чего нельзя – ну, это как-то совсем печально. Она даже уверяла себя, что не усидит и получаса на этом мягком сидении, в этом трясушем покое, потому что покой – он как-то всегда немного противоположен жизни. А жизнь... она ее чувствовала, как ветер из люка на крыше. Она не знала, что будет дальше, но верила, как никогда хорошо чувствовала эту жизнь. Она была жива. Но вздохи сплетались в минуты, и через двадцать таких плетеных вдохов-выдохов она вдруг поняла... да нет, ничего она не поняла. Она просто почувствовала, что дыхание стало ровным и глубоким, спешка помахала ручкой, а эмоции разложены по кармашкам, и почти ни одна не пролита. А вокруг... все хорошо, потому что ясное июньское утро – это по любому хорошо, хоть ты из окна бросайся, все равно вдохнешь этот воздух и подумаешь... меня найдут с улыбкой на лице – это ведь так прекрасно!

Как ее звали? Марина? Пусть будет Марина. Хорошее имя, так и веет какой-то благословенной посредственностью и земной, абсолютно не святой простотой. Не то, что у некоторых. «Слушай, миниатюра горит, придумай ка-

кое-нибудь женское имя, такое красивое, итальянское... – Эммм, Сальмонелла?» Даже забавные воспоминания преследуют, словно маньяки или голодные щенки. Марина улыбнулась, смяв веками сельские пейзажи, и почти разглядела в бордовой темноте одно дорожное не ей одной лицо.

Утро вечера мудренее. Утром можно улыбнуться в лицо любимым ночным страхам и страстям. И забыть, и начать все заново, в русле позитива нового дня. Сказка из рекламы утренних завтраков, но ведь работает иногда! Вообще этот денек обещал быть как никогда позитивным. Сначала ее чуть не сбила машина скорой помощи. Марина даже не сразу поняла, что произошло. Только визг тормозов и обиженное ворчание из-за стекла, вроде как матюки, но ни одного слова не понятно, прям как их знаменитый почерк. В общем, дорогие медики, простите мою подругу, она не хотела, не выспалась, офонарела и что-то там еще, но обещаю, половина из того, что вы ей пожелали, обязательно сбудется, так что простите ее... вы ведь не на вызов ехали, нет? Конечно, до вызова еще так обманчиво далеко.

А через полчаса ее уже по-настоящему сбило маршрутное такси

Вообще-то Марина не планировала возвращаться домой на маршрутке. Она даже не подозревала, что они ходят на такие междугородние расстояния. Автобусы – да, на один из них она как раз собиралась не опоздать. Боязнь не опоздать на транспорт так к лицу любой спешке! И так

не к лицу ей этот тихий облом, когда до отбытия еще сорок минут, а ты уже стоишь в этой гудящей толкотне без намека на удобства, пытаешься отдышаться и думая «Где же это меня накололи?» Вот тут-то и явился принц на белой газели... или что это за машина? Вроде новая какая-то.

«Люди не летают как птицы? Ну, я, например, летаю лучше пингвина, или киви. Готов поспорить...»

Машина хлопнула ее чуть ниже ягодицы и отправила в пингвиний полет с проезжей части на мягкий холодный газон. Вот так она и опомнилась, моя трагически удачливая знакомая Марина, полулежа на этой травке, вздрагивая от шагов водилы и думая: ну все, теперь меня по-настоящему убьют.

Мужчина склонился над ней и прогремел: – Вы в порядке? Одновременно протянул безоружную руку. Марина за нее, конечно, ухватилась, но выговорить ничего не смогла. Только кивнула, чувствуя, что ее опять где-то обманула судьба. Владелец руки был меньше всего похож на водителя маршрутки. Молодой, лет тридцать, чистоплотный, светлые короткие волосы, почти гладко выбритый, дружелюбный на выражение лица, но крепко сложенный. В общем, помог он ей встать, подал сумку, пожелал быть осторожнее и уже готов был превратиться в крысюка на тыкве, но что-то снова пошло не так. Вот так:

– А вы случайно не автобуса ждете? Вам ведь за город, да?

А потом, еще хуже, он назвал конечный пункт, и моей знакомой оставалось только ошалело кивнуть, молча, хотя рот уже был открыт – в самый раз, чтобы воскликнуть: откуда вы знаете, где я живу, вы что, маньяк?!

– Вы не волнуйтесь! Слухи о смерти частного извоза сильно преувеличены. Маршрут, конечно, далекий, непривычный... да, а вы случайно не знаете дорогу, а то я в первый раз... да шутка, шутка!

Шутка, блин. Нашутились уже за полгода, хватит. Хотя, с вами... почему бы и да? Марина залезла в салон, еще сомневаясь, жалея и ругая «опоздавший» на полчаса автобус. Машинка была новенькая, объемная, цивильная, однако водитель исчез за спинками кресел, а значит, и волшебство исчезло, оставив пассажирку в полупустой тычке самого опасного, да еще небось нелегального вида транспорта. Минута, две, три... как там говорится? Водители маршрутки даже спать не ложатся, пока в постели не наберется семнадцать человек? Все, пять минут, и вылезаяю. Но салон заполнился на редкость быстро, и водитель тронулся.

«...Да вы задолбали шутить со словом тронуться!», говорит Антон... он недоволен, но его лицо сияет, ласкает нервы и укрощает грусть. Горит яркий свет. И стены желтые, красивые, нежные. Антон, когда мы тронемся, мы попадем в желтый дом, и будем вместе в горе и в радости, пока галоперидол не разлучит нас...»

Марина поморщицалась и протерла глаза. Чертова сонность. Достала телефон, посмотрела время. Еще немного, еще часок... надеюсь, он не пошутил... что пошутил насчет незнания дороги. А то что-то салон опустел еще в границах Москвы. Слабоватые нынче дачники попались. Ладно, большие половины одолела, можно и расслабиться. Повспоминать... чуть-чуть.

Как собирала вещи, вне себя от радости, что наконец-то выполняет обещания самой себе? Или как у входа оживились парни, пригретые неосторожной улыбкой и незаслуженной верностью. «...А я сказала ему „отвянь, понял?“, а потом убежала к себе и плакала, плакала...».

Марина сдвинула чемодан и вытянула ноги, насколько позволял салон. Вот так, поспешишь, разгорячишься, а потом эта дрема без снов, только зеваешь до боли, и мысли всякие... прелые, спертые из самых сокровенных уголков памяти. Все, больше не смыкать веки. Просто смотреть, наблюдать, впитывать реальность, не жмурясь, не закатывая глаза, и улыбаться, потому что в реальности поводов для улыбки всегда больше, чем во сне. Это Антон ее научил. Он умел из тончайшего наблюдения, из галстука, одетого изнанкой, из наушника, упавшего в суп – из чего угодно устроить целый номер, словно фокусник, к которому сам мир лезет под шляпу. Антон. Придется привыкнуть, что это имя не покинет так просто ее голову и сердце.

Пассажиры, к сожалению, разнообразием не отличались.

Хотя... один мужичок заразительно храпел и непрестанно музищировал лбом об стекло. Вот бабулька с ребенком лет семи, наверно, внучком в деревню на каникулы – ребяенок затягивался пакетиком сока, производя обворожительное бульканье. Мотор низко гудел где-то на фоне. Из-за руля доносилась какая-то спокойная, старинная мелодия. Какой-то блюз шестидесятилетней давности. Блюз... у водителя маршрутки? Нет, мироздание сегодня точно чем-то надъшилось!

Моя знакомая почти настроилась на мысли о прекрасности мира настоящего, а не позапрошлого. Настроилась на эту потребность, пока еще смутную, но устойчивую потребность что-то сделать... что-то хорошее, для мира или для себя, не важно... помочь, спасти, вернуть... начать, если уж совсем банально, новую жизнь... ведь это не всегда исключено? Главное, чтобы в реальности, на деле, а не «если бы...». И еще – не переборщить.

А чтобы не зарываться в грезы, она остановила взгляд на еще одном пассажире, который выделялся из фона, как будильник из шума дождя.

«Красавчик. Таких даже энцефалитные клещи не кусают, а целуют» ...Нет, на самом деле в этом молодом человеке не было ни изюминок, ни скучностей, ни смешинок, если не притягивать за уши, почему он так тощ и бледен. Марина заметила его еще в Москве и очень удивилась, что он не сошел вместе с остальными где-нибудь поближе к столи-

це. Парню было лет двадцать; ну, может, двадцать пять, или даже семнадцать. Светлые волосы ниже ушей, утепленная одежда из последней коллекции «мусор выбросить пошел»... а вообще ничего так себе, в профиль, кого-то напоминает. Ясно одно – он был москвичом до мозга костей. Да, Марина немедленно узнала целый сонм однокурсников, которые даже за МКАД, если выбирались, то с таким видочком, будто вот-вот, еще километр, и придется отбиваться от зомби. И все же под бравого искателя приключений он замаскировался отменно – в ногах у него лежал... нет, стоял камуфляжный рюкзак просто фантастических размеров. Ролевик что ль? Нет, не похож, какие там походы-сражения, из комнаты с компьютером выбрался, уже подвиг! Да и в рюкзаке явно не мечи и доспехи. Какая-то округлая фигня торчит на самом верху. Не шарик, хотя размером с баскетбольный мяч, скорее похоже на бублик, завернутый в фольгу, а сверху в белый пакет. Сам молодой человек, слегка обняв свой багаж, смотрел вниз и что-то шептал себе под нос, словно колдун перед идолом.

Да уж, ни дня без психа, подумала Марина, и как раз в этот момент бабушкин ребенок, видимо, решил, что выпил весь сок, и стал надуть пакет. Сок был не то виноградный, не то вовсе томатный, и это был даже не сок, а нектар, потому что с каким-то нелепо-унитазным звуком в лицо мальчику брызнуло густой красной жидкостью.

– Дурак! Дай сюда, – бабуля вырвала у него пакетик, от-

весила подзатыльник и опустила руку в сумку в поисках платка.

Мальчик пригнулся, широко открыв глаза, полные безумной эврики и планов на новые озорства. По его подбородку стекала и капала на штанишки густая красная жидкость.

Густая и красная. Остывает. Отрывается. Густые струйки по бурой корке. Топот. Колени в жгучей грязи. Железный прут. Острие, такое же бордовое, заляпанное. Холодно. Не выдыхается. Кашель. Свист. Удар. Уже не чувствуется. Свист. Удар. Да скорей уже!

«Гелий, пожалуйста...»

Марина дернулась и сдавила лицо ладонями. Вот так, уже лучше. Уже больно. Уже тепло. Когда руки напряжены, они не дрожат. Забыть. Немедленно забыть слово забыть, потому что едва вспоминается слово забыть, вспоминается и все то, что к нему относится. Антон, если бы ты знал, как я люблю мужские имена с ударением на последний слог! Они теплые. От них не дрожишь.

Нет, не вернусь! Не вернусь. Да нет же, не из-за него, просто. Просто... просто ты права, мама, какой смысл в этом образовании? Плюс сто рублей к зарплате?

Марина долго приходила в себя. За это время успели остановиться и кого-то высажить... кажется, бабуля с ребенком сошли и еще кто-то. Ребенок хотел пи-пи, а бабуля ругала водителя, что ехали не по той дороге... да как она посмела, он же, он... но туман отошел, и вот машина снова

катила, задорно подпрыгивая на извечной беде номер один. Марина вздохнула и откинула голову на спинку, последний раз обрушив ладони на горящие щеки. Снова вытянула ноги в проход, потянулась и обрадовалась, что усыпляющий вой маршрутки нарушило чье-то навязчивое звонкое бибиканье. Разнообразие. Скоро доедем. Держись.

Но она не удержалась. Она взлетела. Взлетела, как гордая птица киви, вбок и вниз, со всеми сгорающими перьями, дурью, мечтами и крокодилами этой безумной спешки.

* * *

[Все кончается. Синим пламенем сгорает только самое драгоценное. Остальное довольствуется механикой и гидродинамикой крови. Перекрытия между знаниями трескаются как кости черепа. Но главное свершение еще впереди. Модуль любит нас.]

Без веской на то причины еще в пределах Москвы он надеялся, что автотранспорт – это удобно и быстро. Он любил гитарные соло и электрички, он не любил в той же мере гарь и автомобили, таким образом не надо было даже думать об автовокзале. С другой стороны, почему любое отрицательное событие мы с параноидальным энтузиазмом распространяем на все множество ассоциаций, порождая вокруг себя облако токсичных отходов рассудка? Разумеется, маршрутка не виновата; все началось гораздо раньше, но если бы

не данное маршрутное такси, насколько высока была бы вероятность, что лавина пошла бы по другому каналу. Да, стоит все же изложить некоторые концептуальные моменты, которые оказались в основе настоящих событий.

Так вот, никогда не покупайте транзисторы на радиорынке! Потому что это писец! Эти гребанные конторы с гламурными стеллажами, большими вывесками и охренеть какими низкими ценами! Конечно, блин, заманчиво. Вот и мой знакомый, Иоганн, купил однажды в таком павильоне восемь мощных транзюков-мосфетов по 100 рублей штука. В итоге из этих восьми у двух вообще не было входной емкости! Остальные же, имея емкость и плато Миллера на осциллографе, в целевой схеме просто отказывались открываться. Конечно, можно сколько угодно болтать о мошенниках, которые продают левые детали, затерев и изменив надписи на корпусах, только кто возместит моему знакомому восемьсот рублей и комок надорванных нервов?

Впрочем, фигня началась еще раньше. Дело в том, что Иоганн, этот самый мой знакомый, он, скажем так, необычный товарищ. Даже более, чем необычный, он откровенно подвинутый. На чем? Вот тут вопрос сложнее, в двух словах не объяснить, с учетом всего прошлого. Скажем так, к моменту, когда все началось, Иоганн занимался созданием образца одного очень мощного электрического устройства. Устройство это в магазине не купить ввиду его необычности, опасности и тотальной офигительности, к тому же построить

его самому, прямо скажем, дело чести, возводящее создателя в титул гуру и мага вольтамперного ремесла, достойного восхищения очевидцев реальных и отображенных в Интернет.

Иоганн, что бы он вам ни говорил в минуты темнейшей хандры, достиг в этом деле заметных успехов, что воплотилось в достаточно высокой посещаемости его личной интернет страницы. Но то фотографии и видео, а кропотливый процесс из проб, ошибок, рискованных экспериментов и дыма на всю квартиру уже не раз убивал в нем 90% жизненной искры. Вот и теперь, после нескольких удачных решений, когда огонь во тьме головы так нуждался в том, чтобы его раздули, в то т.н. прекрасное прохладное утро скоропостижно перегорел великолепный инвертор на 1 кВт, и все четыре ценнейших транзистора вместе с обвязкой и драйверами отправились в мусорное ведро. Остановиться, вот что надо было сделать; это так просто, остановиться здесь, в этом барионном мире, где за каждой второй бедой и проблемой стоит сила трения. Остановиться и ампутировать целую ветку будущего. Я ему говорил, шептал на ухо, плевался в затылок, но этот псих Иоганн даже скрывать разучился свою одержимость. Иоганн пошел на радиорынок и купил на последние деньги новые транзисторы. Транзисторы оказались негодными. Тогда Иоганн, скрипя зубами, связался с одним «коллегой» на форуме, у которого были не просто купленные за границей мосфеты, а такие, о которых даже мечтать

вредно. Договорились о бартере, потому что денег у Иоганна не осталось, а старых наработок – навалом. За одно и свежее купленное гЭ можно пристроить, притворившись таким же беспечным, как продавец в павильоне. И вот, упаковав наработки в один большой рюкзак, мой знакомый отправился в путь.

Он не помнил, долго ли они ехали; в его мозгу пульсировала Мысль, а когда он закрывал глаза, перед ним вырастала новая схема с новыми полевыми транзисторами, драйверами и средствами защиты от самоиндукции. Да, и кондеры по питанию надо ближе расположить, электролит и пленочный параллельно, где-то на 1 мкф, не меньше...

В те секунды, когда стал нарастать гул встречного транспортного средства, Иоганну снова взгрустнулось. Он вспомнил необратимый едкий дым, отчаяние, злорадное солнце, мутный край платформы в метро [и слабосильный Модуль. Хотя нет, о последнем он не вспоминал, чтобы не вгонять себя в еще более бессмысленную черноту]. Нарастающий шум мотора вписался в эту картину, словно резонансное усиление, всплеск доселе слабой и незаметной волны, которую теперь не остановить, не сосчитать и не спасти.

Иоганн нашел себя полувисящим на сломанной спинке впереди стоящего посадочного места. Мосфеты и схемы обвязки, схемы обвязки и рекуперации еще пульсировали в его голове, но уже не с начальной самозабвенностью последнего

матроса на тонущем корабле. Тупая боль пронзила все тело; тупая и до неприличия слабая. Вопреки первым ощущениям, он не только никуда не улетел, но даже не угробил свой драгоценный багаж, который лежал подле него и имел почти ту же форму, что и минуту назад.

Иоганн огляделся. Накренившееся пространство включало в себя сгорбленные спинки кресел, разбросанные вещи, разбитые стекла, чьи-то стоны и попытки выбраться, и в то же время невредимые стены, потолок, рамы – микроавтобус был как живой, неповрежденный, охваченный лишь бытовым бардаком и готовый немедленно продолжить путь. Но путь не продолжался. Микроавтобус стоял, вернее полулежал в кювете под острыми углами к земле, а люди даже не пытались поднять улетевшие вещи.

Салон все сильнее наполнялся дымом. Иоганн закашлялся и нырнул в открытую (только на половину; очевидно, перекошенную) дверь. На улице было ветрено, но дым ощущался и здесь. Путь эвакуации пролегал из канавы на преста-релый сельский асфальт, огороженный стенами густого леса, где не существует как класса ни гаишников, ни магазинов, ни метро. Транспортное средство стояло вплотную к одному из деревьев, утопая в бурьяне, пыли и собственном стекле. Иоганн плохо разбирался в классической механике, но, по его мнению, произошло примерно следующее:

1. Маршрутное такси не справилось с управлением, подрезанное встречным транспортом.

2. Маршрутное такси снесло в кювет, впрочем, на сбавленной скорости, в силу плавного поворота дороги и быстрой реакции водителя.

3. Перед кюветом машина сбила дорожный указатель из двух строк формата <Название пункта> <пробел> <X> (километров), установленный на двух трубах.

4. Ближайшее дерево имело внизу несколько толстых веток. Одна из веток оказалась параллельна траектории транспортного средства, соответственно ударила его в лобовое стекло и/или в щит сбитого указателя. Последний, в свою очередь, был вдавлен вовнутрь кабины.

5. Продвижение щита и ветки замедлил финальный удар бампера маршрутки о ствол дерева. На этом система пришла в равновесие.

Впрочем, в ту минуту, когда он поднялся на асфальт, такой законченной декомпозиции в его голове, очевидно, не было. Эмоции были сильнее. Лобовое стекло, как уже отмечалось, было разбито; металлический лист, подпоротый ветками, вдавался вовнутрь, лишь немного съехав по капоту обратно. Прямо же за ним виднелась неподвижная голова со светло-русый ежиком волос, пересеченным дельтой темно-красных струек.

Иоганн словно врос в асфальт. Очевидная кувалда, которая уже давно должна была бить по голове с криком «Ты чего ждешь, человек умирает!» стала почти незаметна; несправедливо и саморазрушающе незаметна в этой канаве, куда

проваливался мозг, и летел бы, как ничтожество, как кусок первосортного дерьма, если бы угнетающее явление перед глазами не стало меняться совершенно непредсказуемым образом.

Голова водителя пошевелилась, но это был не знак возвращения к жизни. Иоганн увидел темно-каштановые волосы до плеч, светлую блузку и тонкие женские пальцы, обхватившие плечо пострадавшего. Эта девчонка вроде бы сидела где-то в задку салона, однако после удара задние кресла были пусты. И вот теперь, очевидно пробравшись изнутри, она обхватила несчастного водителя.

До ушей Иоганна донесся скрип, шорохи, а также голос, просьба открыть глаза и держаться, облеченная в концентрированные эмоции. Девушка тянула пострадавшего за подмышки, одновременно поглаживая по лбу, хлопая по щекам и кашляя от дыма. Но у нее ничего не получалось. Водитель крепко застрял в искореженном и забитом ветвями углу кабины, а щит и сломанная ветка мешали двигаться даже ей самой. Только одежда и кожа, уже не его, а ее собственная, темнела, багровела, покрывалась пятнами от чужой крови.

Далее, кажется, прозвучало слово «истукан» и призыв помочь, выполненный в формате иступленного крика.

Иоганн не сдвинулся с места; если бы в кабину кинулся кто-нибудь еще, можно было отгаять и даже присоединиться, но Иоганн затылком чувствовал, что сзади него все (если еще остался кто-то) такие же оцепеневшие и занятые

ушибами своих собственных задниц. Но было еще кое-что, что высасывало из него все стимулы действовать. Одинокая, юная пассажирка, спасающая тяжело раненного водителя, обезумевшая героиня какой-то трогательной кинодрамы – этот образ с каждой секундой, с каждым новым движением превращался во что-то невозможное, гротескное, абсурдное и даже ужасное. Во-первых, несмотря на то, что железный щит на трубе определенно уберег его от непосредственного снесения головы самым большим суком, а также несмотря на все старания спасительницы, водитель исторгал из себя все больше крови. Кровь словно материализовалась из воздуха, без меры и логики, словно забыв все законы гидродинамики. Ну и во-вторых сама девушка, если так можно это обозначить, как будто не вполне понимала, что делает. Она не умела оказывать первую помощь, можно было не сомневаться, но дело было не только в этом: она словно не видела красного цвета – как еще можно объяснить то, что она не замечала такого количества крови на нем и на себе? Она обходилась с тяжело раненым, как будто его не более, чем малость оглушило, и сейчас он обязательно очнется, поднимется, да еще саму ее на руках вынесет.

Иоганн почувствовал острое желание провалиться как можно скорее и как можно глубже. Если то, что шевелилось в трех метрах от него, когда-то и было красивой девушкой, то эта память грозила поставить рекорд по крутизне фронта забвения. Бледное, испачканное, забрызганное кровью ли-

цо без однозначной мимики, осипший голос, и глаза, тотально безумные, словно признавались на все окружающее пространство: это не человек, это какая-то бестия, суккуб, гуль в ожидании свежей добычи – всего-то потеревить минутку, побить о стекло, довести до полной смерти и порядок...

К счастью, в окружающую среду вмешался еще один голос. Иоганн не видел, чей, поскольку зажмурился до боли в щеках. Голос говорил об осторожности, о пользе не мешаться и не лезть не в свое дело, о черепно-мозговой травме, о пульсе и смерти, вине и убийстве, и о том, что кому-то следовало идти «отсюда подобру-поздорову, пока в милицию не сдали! И вы тоже! Хватит уже глазеть!»

Иоганн даже не заметил, когда успел открыть глаза. Что происходило предыдущие пять минут, помнилось смутно, сквозь помехи и полупрозрачные кадры силовых транзисторов, которые уже не раз приходили на помощь его подтопленному сознанию. На этот раз, впрочем, транзисторы были в дыму и саже, по ушам били какие-то зацикленные рекуррентные формулы, а сверху, на территории яви, вразумляющий голос кого-то, кто определенно разобрался в медицине, не приносил ни облегчения, ни злорадства. По направлению от канавы, с силой вышвырнутое из салона чьей-то правой рукой, прямо в его сторону шаркало окровавленное тело без признаков безумия и вампиризма. Кровь на одежде успела свернуться, принимая совсем не революционный темно-грязный цвет и только на лице капли и пятна активно

светлели, размываясь изрядным потоком слез.

О чем она только думала?! Нет, не так, попроще... просто, о чем она думала? Не знаю. Да откуда мне, черт возьми, знать?! Думаете, она сама знала? Ну да, сама она, конечно, знала. Воспоминания... ах, если бы только они... словно одели маски, схватили сзади, сажали горло и затолкали в будущее, лишая воли и шанса хоть кого-то из них назвать по имени

Но срыв исчез, так и не сняв маски, и все. Как будто медузу волной на берег, а дальше отлив, жажда и чья-то неосторожная ступня...

Она не умела расставаться с сознанием по первому позыву. Она ощущала ветер, траву по пальцам... «что произошло?!»... нечто холодно-липко-сохнущее на руках и лице... «нет, это не я, я не хотела!»... она вдыхала разбавленный дым, жадно, обреченно, бездумно... «где же ваша музыка?» не пытаясь придать катастрофе черты обыденности... «Можно еще раз вашу руку? Ну где же вы?» Руки онемели, словно скотчем за спиной, а спасительные мысли аккуратно, с покорной щепетильностью самоубийцы, уже свернуты по стрелкам и сложены на самое дно большой сумки на колесиках. Она не думала даже о тебе... прости, Антон, твое сентябрьское волшебство осталось там же, в твоём сентябре. Лучшее, что ты мог сделать для нее, это

просто забыть, не вспоминать. Но ты и так не вспоминал о ней, я знаю, тебе легко, у твоего светила даже разрез глаз такой же, не надо разрываться и думать, какой цвет ярче: красный или зеленый. Как говорится, будьте счастливы.

Что до нее, она, конечно, могла бы тебя возненавидеть, чтобы отпустить без боли, но за нее это сделала память, а в ней, недоразвязанной, были не только острые взгорья кирпича на стенах, не только мокрый черный потолок, растворенный в неподвижности глаз (Интересно, у Ленки такое тоже бывает?). Кстати, глаза. Такие неброские, серые, но завораживающие, сверкающие, острые... как их еще назвать?

«А вы точно не занимались балетом?», говорит небольшой, но мужественный рот.

«Хи-хи... нет. Ну как, в младших классах ходила немного. А что?»

«У вас красивая осанка. Такая, знаешь, гибкость и хрупкость... молодая веточка; такую не сломает никакой ветер, нет, он обрушит целые стволы, но не тебя, пусть хоть убьется от гнева. И в то же время обычные человеческие руки могут стать роковыми...»

«Аммм... простите, вы все свои впечатления выражаете так... до зыбкости изысканно... Гелий? Не устаете от такого необычного имени?»

«Ха-ха... нет. А вы?»

— ...Что случилось?! Боже... вы... это... вы в порядке? —

Да, – солгала Марина, но посмотрела не на источник голоса, а на собственные руки. Зрелище заставило ее снова зажмуриться

Но слезы сохли быстрее, чем ветер нагонял новые. Из яблочного мякиша застывала реальность со всеми своими острыми углами. Марина взгляделась в черные следы на серой, бугристой ленте, на эту крутую дугу, которая вела туда, куда лучше не смотреть. Мужчина, долбанувший лбом о стекло, имел кровоподтек на лбу, но был здоров и как-то злобно возбужден... черт, кажется, это он ее вышвырнул из салона. Еще какая-то женщина рядом с ним. А где остальные? Неужели сошли? Неужели больше не осталось никого перед аварией?

– Да где же ты, блин, отвечай! – бесился мужчина в телефон у уха, буравя глазами асфальт. Женщина вообще отвернулась. Неужели и она все видела? Только не прислушиваться, только не отвечать!

– ...Боже мой, что с девушкой? Она вся...

– Это не ее кровь. Там водитель, он это самое, в общем, она...

Марина вскинула руки к ушам, но было поздно. – ... Она пыталась его... ну, как-то спасти, вытащить. Как-то так. – Какой ужас!

Еще не вполне веря в отмену приговора, Марина оглянулась и взгляделась в фигуры тех, кто затеял этот разговор. Один из них – пожилой мужчина в пиджаке, аккуратном,

не мятом и не испачканном. Можно было сразу догадаться, что он никогда не садился в маршрутку, не выползал из помятого металла и вообще только вылез из совершенно чужой вселенной, благополучной как пенсия президента и как она же далекой и несбыточной... А в самом деле, откуда он вылез?

Марина успела оглядеться, но куда там – ни домов, ни машин, только лес на все четыре стороны. В такой глуши любой абориген тут же привлекает внимание. Тем чудеснее казалась сама внешность этого старичка. Высокий, худощавый, с аккуратненьким деловым чемоданчиком в руке, он был похож не то на институтского профессора, не то на директора маленькой, но солидной конторки, наверняка заграничной, где не в чести продавать душу маразму. Седые волосы коротко подстрижены, и ни намек на лысину. Небольшие глаза, внимательные, живые, умные и даже хитрые. Моложавое, беззлобное лицо, не враждующее с улыбками, но сейчас почтительно грустное, испуганное, отстраненное. Даже романтичное. Постаревший Байрон, почти остепенившийся в новом мире. Интеллигент, но не обычный постсоветский, который, оставаясь не у дела, божжевеет быстрее народного самоупийцы. Нет, интеллигент, который не чурается нафталина, но и сохраняется лучше других. Но откуда, черт возьми, откуда?!

А вот второй в ихней паре был уже знакомый, худощавый парень с баулом. В полный рост он казался высоким, длин-

ным, и даже багаж не портил ему изящности бесшерстного кота... или нет, скорее, оленя. Благородного... мда. У него был живой голос. Тихий, правда, и с мутнотцой, но не тряпочный, не зомбячий и не компьютерный, хоть на том спасибо. Да и лицо не такое уж бледное, каким казалось с боку.

– ...Да нет. А, это самое, где мы вообще находимся? Просто тут это... дорожный указатель... был. И там какое-то Френово... или Фроново, семь километров...

– Да, это село наше центральное, но до него еще далеко. Мда. Неудачное конечно, место. Дорога – не дорога, а одно название. Еще шоссе зовется. Хорошо машин мало. И людей. Редкостная глушь, я вам скажу, и как вы только сюда заехали? Ой, а можно полюбопытствовать, что это у вас такое мощнецкое за спиной?

За спиной? Марина только теперь обратила внимание, что блестящая округлая штукавина в пакете, которая не помещалась в рюкзак, теперь не просто венчает гору за плечами молодого человека, но и возвышается над головой. Большой, блестящий бублик в белом пакете, вдвое шире головы, был просто вылитым нимбом. Особенно если смотреть анфас и одним глазом. Святой странник. Преподобный инопланетянин. Да еще и воскресший минуту назад. Как и все мы тут. Марина невольно улыбнулась, но парень этого не заметил. Джентльмены уже вовсю разговаривали.

– Да это же... это ж просто замечательно! – восторгался мсье в пиджаке. – Я видел эти ролики, ну, знаете, где

молнии бьют как настоящие, метра на два, а их прямо руками ловят; даже не сразу поверил, что это не монтаж. Ведь это по-настоящему, да?

– Ну, да. Но я такие пока не делаю. У меня так, полметра.

– Полметра? И вот с этой вот катушкой у вас за спиной можно создавать молнии в полметра?!

– Не, за спиной нельзя. Нужно подключить к сети. А потом мырмыртрансформатормырмырмыргенератормырмыр...

Господи, да они спелись! Технари! Конечно, еще в маршрутке было ясно, что этот парень технарь до мозга костей. Но господин в пиджаке, этот чуткий, интеллигент еще минуту назад беспокоился о ее здоровье, ужасался крови, готов был подхватить на руки при первых признаках обморока! И вот, пожалуйста, не прошло и минуты, и все, как пустое место, досадный кровавый комок, (почему-то еще живой!), безобразный, нагло стоящий посреди дороги и отвлекающий от важного разговора настоящих... ЗАДРОТОВ!

– ...Серьезно? То есть вы хотели обменять все это богатство на восемь маленьких деталек?

– Ну почему маленьких? Это ж мырмырмырсорокиештьиксцэмырмырмыр! Не кирпичи конечно, но с радиатором мырмырмыркиловаттмырмыр. Просто надо мырмырмыртранзистормырмырмырдиодмыр...

– Слушайте, а как вы ими будете генерировать? Я читал,

что вроде бы нужна искра...

— ...Да, да, это раньше все делали, но сейчас можно это сделать гораздо удобнее. Все очень просто: мырмырмыр-транзистормырмырмыртрансформатормырмырмыр...

...Поразительно, еще минуту назад она была готова умереть от разрыва всего и сразу, если ее не оставят в покое, и как можно скорее! Мечты сбиваются. Стоит только захотеть.

«Что же делать?», подавилась Марина этим возгласом, так и не вырванным из горла. Она окончательно осознала себя, одну, еле живую, на этом безликом, безрадостном и безмашинном полпути к родному скучному дому, где все по-старому, по доброму, и даже накажут любя. Маршрутки больше нет, маршрутка умерла, а водитель... водитель...

Мужчина с кровью на лбу тут же скривился, едва она сделала шаг в его сторону. Он все еще сжимал у уха телефон и еле держался от злости. Женщина тоже отпрянула и, кажется, перекрестилась. Что им сказать? Помогите? Но ведь они такие же пострадавшие, такие же застрявшие в своей собственной стране, провалившиеся и не знающие даже, где точно находятся. Они не помогут. Они не помогут, даже если за ними скоро приедут родственники, на машине с новехоньким, вычищенным до блеска салоном, в который влезли бы еще двое несчастных. А что, бензин нынче дорогой, а тут с одного двести, с другого триста, и вот, уже жить можно! А трупы нет, не берем, нерентабельно, веч-

но то не заплатят, то с гайцами подставят. Ах, вы живая? Что вы говорите? Не хотела? Пыталась спасти, вызвать, искупить? Ну что ж, тогда уж вам сам Бог велел искать того, кто в вас нуждается, а мы уж как-нибудь сами... а то вдруг мы тоже разобьемся, и вы нас так заботливо во искупление убьете в попытке спасти?»

Ужасное чувство, будто слезы подступают даже не к глазам, а к низу шеи, закупоривая артерии и горло. Нет, только не поддаваться! Не оставаться. Догнать задрота в пиджаке, пока еще не ушли с нимбатым в загрезье по самый киловатт!

* * *

Тревожные токи, распуганные стрессом, никогда не уходят насовсем. Курсируя вокруг головы, ожидая смерти последней возбужденной мысли, они не успевают заскучать. Но они беззубы. Они лишь посланники, щупальца или даже беспилотники, управляемые силой куда более плотной, многослойной и непостижимой, чем эти простительные соединения рефлексов вроде страха, злости и отвращения. Примерно так.

Кстати, не забывайте проверять полярность уфастов и шоток в вашем мосту. И кондер пленочный по питанию. И еще: никогда не ездите за город на маршрутках! И вообще не пользуйтесь автодорогами, потому что это писец! Запла-

нируешь раз в жизни встретиться с незнакомым человеком, все распланируешь, вещи соберешь, часы перепроверишь, а за день до этого подумашь: а на кой ехать на вокзал, если автовокзал под боком? Так вот, долбаните себя об стенку при первом же симптоме этой мысли! Потому что это еще хорошо, если вы просто попадете в пробку. По крайней мере, целы останетесь. А тут, блин... ничего нет, даже на мобильнике одна палка из четырех! Так навернулся великий план по обретению охренительных транзюков. У чувака тоже время не резиновое. И на помощь сюда он вряд ли приедет. Что теперь делать?

Вот и мой знакомый Иоганн, окончательно осознав всю глубину приключившейся лажи, готов был разорвать нагруженный рюкзак собственным позвоночником. Но промозглые образы оплетали ему лицо, шею и спину, не разрешая потерять драгоценную неподвижность. И все-таки, имея право ожидать от этой потенциальной ямы любых удручающих продолжений, Иоганн не ожидал встретить там такого человека, как Николай.

Николаем (просто Николаем, без отчества) он представился почти сразу, как только оправился от ужаса при виде окровавленной пассажирки (хорошо, что не знал подробностей). Но за несколько минут до этого поворотного момента, только приближаясь к месту аварии, впечатление он производил гораздо менее позитивное. Нечасто из леса выходят опрятные господа в пиджаках с кейсами, словно специ-

ально, чтобы позлорадствовать над полным раздром, болью и безысходностью тех, кто еще недавно сам имел право посмеяться над местным захолуством. Не хотелось его терпеть, хотелось отогнать его как зверя от места кораблекрушения, защититься и защитить всех вокруг, чтобы никто его даже не заметил. Но незнакомец приближался, невзирая на чужие эмоции, давая себя оглядеть, потом еще раз оглядеть, потом засомневаться, потом прислушаться и окончательно поднять глаза из липкой смолы шока. Если издали он казался просто человеком средних лет, то вблизи это был никто иной, как хорошо сохранившийся пенсионер лет 60 или даже 70. Его пиджак говорил скорее об интеллигентной опрятности, чем о какого-либо сорта понтах, а его лицо было настроено на печаль, даже слишком глубокую для случайного очевидца ДТП. Этого было достаточно, чтобы инициировать стандартное «здравствуйте» и понадеяться, что незнакомец все же не глюк и не случайная помеха, и не исчезнет в самый ответственный момент, предоставив реальность самой себе.

Он не исчез, однако дальше начало происходить нечто выходящее за пределы атмосферы несчастья. Не нападая, не смеясь, не издеваясь, он, тем не менее, выбрал именно этот неуместный момент, чтобы спросить, «что это такое у вас за спиной?».

Нетрудно догадаться, какие невеселые мысли посетили нашего катастрофически удачливого изобретателя, и как ему хотелось сорвать багаж со спины, подобно огромному

дробящему оружию, и огреть любопытного, а потом догнать и еще раз огреть: все равно пропадать. Однако то ли процесс разматывания неправильных усов памяти, то ли сострадающее выражение лица, то ли банальный покой и стабильность уже через минуту словно сняли с Иоганна половину груза. А он всего-то рассказал про катушку, про мосфеты, описал их характеристики, статические и динамические; намекнул, в какой схеме они будут использоваться, и какую мощность она сможет выжать. Собеседник стоически вынес этот монолог, хотя, очевидно, не понимал и половины слов. Он не разбирался в матчасти, это было сразу видно по его вопросам на уровне чудесатостей и легенд про повелителя молний. Впрочем, он хотя бы знал, что сие есть такое, видел в интернете (уже чудо: деревенский пенсионер смотрит онлайн-видео), и это было хорошо, потому что обломки и заросли вокруг не имели никакого отношения даже к мозгу, не то, что к резонансным трансформаторам.

Иоганн рассказал ему об упакованной катушке, о первичной обмотке, о вторичной обмотке, о тороиде. Кстати, если вы делаете тороид из гофрированного воздуховода, набейте его как можно плотнее хотя бы раскрошенным пенопластом, а лучше герметиком (только осторожнее, может порвать), потому что если он у вас упадет, или вы на него случайно сядете, разгладить этот долбаный тонкий алюминий будет крайне проблематично. И вообще, если есть возможность сделать тороид не из гофры, делайте не из гофры!

Кроме того Иоганн рассказал о ШИМ генераторе, о полумосте (из 2 транзисторов) и полном мосте из четырех (как будет с новыми). Иоганн говорил, а Николай слушал, улыбался, удивлялся, что такие люди существуют в нашей стране, чья наука и образование якобы безнадежно (по вине кого-то там) разрушены, и тонкие морщинки на его худощавом лице поигрывали, искривлялись, перетекали одна в другую, словно стримеры в сильном электрическом поле. Иоганн хотел бы и замолчать, и нахмуриться, и оплакать свои несбыточные мосфеты, но ловил себя на чувстве, будто впервые за многие месяцы размял затекшую часть тела, пусть даже эта часть – не более, чем язык; и пока речь выливалась из него, пока весь его мозг был наполнен мыслями о том, как оптимально сформулировать очередное достижение или ноу-хау, никаких других мыслей вовнутрь мозга проникнуть не могло. Не могла проникнуть усталость и обреченность, проблемы категории «как добраться?» и «на чем вернуться?», а также «где я сейчас?» и «какого хрена я тут, забыв о собственной катастрофе, иду незнамо куда незнамо с кем?».

Но рано или поздно электролит высыхает. Иоганн обронил последний отрывок теории самоиндукции, остановился и огляделся. Оказалось, что они отошли от места аварии метров на сто. Настроения этот факт не прибавил. Собеседник тоже хорошим настроением не отличался. Он-то и доказал ему, что писец не приходит один. Итак,

1. По близости не было ни одного города

2. По этой дороге редко ходили автобусы и даже обычные машины, и почему водитель маршрутки решил воспользоваться ею, было совершенно непонятно;

3. Последний автобус ушел 5 минут назад из ближайшего села у них за спиной, именно туда направлялся было Николай;

4. Еще один маршрут имел остановку впереди, однако на него они также в любом случае опоздали.

Кроме того бессмысленно было кому-то звонить и призывать на помощь, поскольку ожидание растянулось бы на полдня, что влечет автоматический провал операции по обретению волшебных мосфетов. Единственный выход – возвращаться на тошнотворье, на шабаш суккубов, на место ДТП, и ждать кого-нибудь: скорую, ДПС или чьих-то оперативных знакомых с лишним посадочным местом в салоне. Но и тут имела место следующая задница: у Иоганна не было с собой достаточно денег. С другой стороны,

5. По этой дороге, «Если вы видели дорожный указатель... кстати, где он?», имеется два населенных пункта: по-дальше большое село и поближе маленькая деревня, де-юре почти вымершая, но де-факто единственный очаг цивилизации, до которого имелся смысл добираться пешком;

6. В маленькой деревне как раз и жил «ваш покорный слуга», именно оттуда он держал путь на автобус и именно туда вынужден теперь вернуться, потому что уже де-факто опоз-

дал, задержавшись на месте ДТП;

7. У Николая в собственности имеется дом, который он задумал продавать, однако с радостью принял бы «как это у вас называется... тестировщиков?», дабы те оценили удобства и предложили меры по увеличению выручки с будущей продажи.

Иоганн внимательно выслушал Николая, чей голос цепко и сухо, словно припой на луженное жало, накладывался на глобальное, неустранимое ощущение тошноты (хотя это могло быть просто удушье). Вопреки здравому смыслу и учтивости спасителя пункты 5—7 не казались благоприятными; впрочем, едва ли в этом мире что-то могло растворить выше описанное «тошнодушье», разве что карманный телепорт или откат во времени. Иоганн попытался сглотнуть и вдохнуть воздуха, потому что сейчас Николай спросит «Ну-с, как вы на это смотрите?», и надо будет что-то ответить, удержавшись при этом от универсальной оптимальной нотации «Да пошли вы все на...!».

Однако дальше все пошло не по плану. Иоганн уже наполнил легкие воздухом, когда услышал этот голос, от которого даже его собеседник изволил дернуться от неожиданности. Этот голос, еще недавно разрушительно мокрый, упоминавший «истукана», заставил их обернуться и подавиться всеми планами на ближайшие минуты.

Она спросила что-то невинное вроде: «Извините, я слышала, у вас можно остановиться?». Шатенка с окровавлен-

ной одеждой, по несчастью знакомая, стояла в трех метрах от них и глядела на Николая со смесью наглости и жалобной мольбы в глазах. Высохшие кроваво-слезные разводы на лице никуда не делись, хотя взгляд широко открытых глаз, нормальных, человеческих, женских, все-таки снижал градус абсурда в этом мире. И все же, увидев ее, Иоганн снова почувствовал кипение внутри себя вместе с желанием хоть на пару метров под землю, но провалиться.

А вот Николай нашелся быстро. Он даже улыбнулся, когда незнакомка начала оправдываться, что она совсем одна, что ей некуда идти, что никто за ней не приедет, и вообще не уверена, что ничего себе не повредила (возможно, были и другие пункты). Иоганна мутило. Он не мог это слушать, его начинал бесить даже угол обзора собственных глаз, которыми приходится видеть ЕЁ, даже не вглядываясь. Сейчас Николай расплывется и согласится, думал он, забывая о разуме, и Она пойдет с ним и загрызет его по дороге, поэтому вариантов не было: «Великолепно!», выкрикнул он и не менее заведенным тоном огласил, что пусть она хоть ночует у него в постели (или даже что-то грубее), а ему нельзя, его ждет чувак с драгоценнейшими мосфетами!

И еще: покупая мосфеты, не гонитесь за напряжением больше 800В. У них сопротивление в открытом состоянии больше ома, греться будут, замучаетесь. Лучше позаботьтесь о самоиндукции. Или, если у вас катуха большая, низкочастотная, попробуйте IGBT; стоящая вещь, и недорогая, так

что не унывайте, если сможете.

Иоганн остановился даже не из-за того, что Николай крикнул ему «Подождите!». Перед его глазами, частично скрытое за углом, предстало место, где закончилась его разумная жизнь и не могла начаться никакая другая. Ему пришлось развернуться, как бы ни было душно, потому что впереди удушье было сильнее и обещало расти, по гиперболе, безотносительно к количеству дыма, суккубов и повреждений на телах и душах всех тех, кто сегодня так счастливо остался жив.

Николай уже пришел в себя и просил других не паниковать. Он напомнил, что на продажу у него целый дом, а не просто комната, и хотя имеются какие-то необозначенные проблемы, остается вполне твердая возможность разместить их обоих на любое разумное время. Он говорил что-то еще, успокаивая, подбадривая, объясняя как добраться, но мой знакомый проглотил эту минуту и проснулся лишь тогда, когда Николай спросил барышню, как ее зовут. Тогда-то он и услышал, словно стримером по памяти, это странное имя: Дарина.

– Очень приятно, – улыбнулся Николай. – Красивое имя. А вас, напомните, как?

– Иван, – сказал молодой задрот с нимбом

– Отлично. Так вот что, Марина, Иван... да, кстати, Марина, забыл представиться, Николай. Зовите просто Николай. А вы это... не знакомы? Да, вижу, что не знакомы. В общем, не волнуйтесь, разместим всех. Сколько у нас там времени? Ага, слушайте, извините ради бога, я вас обгоню, нужно по делам... в общем, я вас встречу на месте. Вы, это самое, не торопитесь, идите вот прямо по дороге. Тут уже недалеко, сами увидите – лес закончится, просто повернете направо и там по улице до третьего дома. Хорошо? Не слишком сложно? Тогда до встречи!

Замолчав, пожилой господин прыгнул в канаву. Да, Марина тоже не поверила своим глазам. А старичок уже улепетывал в лес, размахивая чемоданом и уворачиваясь от еловых лап. Старичок! Да ему на вид ему седьмой десяток, а бегаёт как ребенок! Нет, обижаться на таких людей просто грех. И вообще, пора уже кого-то отблагодарить за то, что до сих пор жива, здорова, и вообще все складывается – тьфу-тьфу-тьфу – не так уж и плохо. Даже удачно. Ну, почти. Марина взглянула на попутчика. Он стоял неподвижно лицом к обочине и смотрел куда-то вниз свои-

ми лопушиными глазами (Да знаю, что у лопуха нет глаз! Но если б были, выглядели бы именно так). Смотрел... наверно, вычислял формулу эшафота из веточек... и тихо презирал этот мир, и ее за компанию. Черт. Долбаный истукан! Хоть бы он отстал! Вернулся к своим триндисторам. А нимб... что поделать, Моисея вообще с рогами изображали.

Подняла багаж (хорошо, хватило сил и памяти забрать из салона), сделала несколько шагов и все-таки услышала позади себя ленивое шарканье. Электроник побрел за ней следом. Чтобы не слышать этого хвоста, Марина опустила сумку на асфальт. Тишину тут же раздробил неприятный дребезг от ручки через пальцы и до самого локтя. Когда-то здесь были колесики. Только после аварии – вот ведь извращение судьбы! – выжило все кроме них. Ну и пофиг, волоком тоже можно. Зато спине легче. И слуху. И нервам, как будто они только и ждали того, чтоб их хорошенько растрясали.

Шли не то, чтобы очень долго, просто монотонность этой нескончаемой прорези между лесами после сотни шагов стала почти невыносима. Небо, лес, дорога, лес... эта клаустрофобия душила сильнее, чем освежало утро протившей тебя жизни. Даже когда оставалось рукой подать, ничего вокруг не изменялось, и глаза были вынуждены все так же стирать взгляд об асфальт, потому что так хоть ноги видны, хоть шаги можно считать. И то каждый

раз сбивалась на третьем десятке. Да он охрел, этот Николай! – чудом не выкрикнула вслух.

В общем, даже не поверили, как дошли. Когда Марина обернулась, попутчик уже сделал несколько шагов в правую сторону, куда скатывался неровный землястый приток того, что нагло выдавало себя за шоссе. Лес здесь обрывался, открывая «живописный» вид на поросшие бурьяном кочки и заболоченные канавы. Только за ними начинались нормальные сады и домишки. Деревня. Все-таки дошли. Интересно, как она называется?

– Не знаю, – буркнул попутчик, – Вам виднее. Указатель прямо над вами торчал.

– Чего?

– Ничего. Вам какое?

– Что какое?

– Ну, название. То, что подальше, Фенино, или Феново, или Фоново. То, что поближе, УДА в середине, по краям видно плохо. То ли Удав, то ли Куда, или Кудаж.

– Кудаж? Мм... красиво. Как Китеж... А как там было, к Удаж или кудАж?

Но компаньон только фыркнул и побрел дальше, без оглядки, но медленно, еле ворочая ногами. Дорожка стекала вниз, а потом медленно, по дуге возносилась на возвышенность, едва ли достойную звания холма. Там и раскинулась деревенька ниже среднего по размерам. А вообще местечко было ничего. Живописное. Уютные плодовые дерев-

ца, желтоватые домики, сарайчики и заборы, немногочисленные, не альпийские, но и не заброшенные в натуральной трухле. За последними крышами виднелась церквушка. Она стояла в самом конце, за домами, на вершине уже настоящего холма, как и положено церквям, и отлично справлялась с ролью доминанты, хотя чем ближе к домам, тем больше ее скрывали груши, вишни и прочие яблони с кустами. Пузатый купол с мелкой маковкой, колокольня... как будто обезглавленная, ободранные кирпичи... похоже, заброшенная. Но все равно колоритная. Сходить бы, посмотреть, пофоткать.

Тем временем дорога все меньше располагала к созерцаниям. Если асфальтовая терка хотя бы не делала багаж тяжелее, то на влажной земле сумка просто в наглуую вязла, заставляя уже не просто хандрить, а откровенно злиться. Без дребезга стало тихо, зашумели ветра и затопали по земле чьи-то неприхотливые подошвы. «Изобретатель» шел рядом с ней как ишак, навьюченный своей бесполезной техникой, по сторонам не смотрел, только бесстыдно размахивал свободными руками. Марина остановилась, очередной раз борясь с падающей на бок сумкой, взглянула в его спутанный затылок и не удержалась:

– Неважно выглядите

– Вы тоже, – буркнул Иван себе под нос. – У вас это... что-то красное на лице.

– На себя бы посмотрели. Вот что вы стояли и пялились? Я вас звала на помощь, вы даже не сдвинулись! Все из-за

вас! Блин... чертова сумка. До какого он там дома сказал?

– Какая разница? Тут люди считать не умеют. Как в джунглях аборигены.

– Да вы, гляжу, оптимист. Вешаться не пробовали? И вообще, зря вы так. Не в каждой глуши вам после такого кошмара дадут крышу над головой и встретят хреном-солью. Тьфу-ты, хлебом-солью!

– Ничего, ничего, хорошо сказали. И вообще деревня давно мертвая. Только зомби гуляют. Но вы подружитесь.

– Не смешно, блин! Подождите, или вы здесь уже были? Вообще, кто он такой, этот Николай?

– Откуда я знаю? Пенсионер какой-то, гуманитарий, продает дом, пригласил заценить...

– Подожди... гуманитарий? Да вы только о технике и говорили!

– Ага... он вообще в технике не разбирается. Любопытный просто.

– И что еще он вам рассказал?

– Да ничего, блин. Все пропало. Фыхх, – Иван картинно вздохнул. – Хорошо хоть асфальт закончился.

– И что в этом хорошего?

– У вас это... чемодан теперь не дребезжит. Очень громко было. Неприятно.

– Ах, простите великодушно! Я не виновата, что он так грохнулся в салоне. Хотя вы правы, надо было первой лететь. Тогда бы я ему жизнь спасла, а не он мне. Черт, я же

завязну здесь с этими обломками. Не поможете донести?

Конструктор подошел с обреченным видом, выпятив нижнюю губу, взялся за ручку, крикнул, но все-таки потащил багаж навесу, почти касаясь земли.

– Спасибо.

Церквушка окончательно скрылась за деревьями. Дорога вышла на деревенскую улицу. Из высокой травы доносилось гусиное гаканье, где-то сипло кукарекал петух. Стоял запах полевых цветов и сена, костров и прелого дерева, скотины и ее помета, и еще чего-то, мазутно-тракторного. Обычная деревенская жизнь, навстречу которой хочется глубоко вздохнуть... и тут же съезжиться, дрожа и дико извиняясь за свой неуклюжий урбанизм... и за внешний вид... черт, даже прикрыться нечем! Ну почему он так медленно плетется, этот Иван, Кулибин современности?!

Николай и правда ждал их посередине дороги. Настоящий, не плод воображения. На этот раз повеселевший и без чемоданчика. Справа от него, за невысоким забором, стоял одноэтажный, весьма добротный домик. Даже дом. Два окошка с желтыми наличниками, две пристройки по бокам, кирпичная труба на крыше и металлическая по стене – то ли водопровод, то ли газ. Неплохо.

– Так, сюда, прошу вас, проходите. Не терем, конечно, но целая семья умещалась. Ой, Надь, привет... нет-нет, я не уезжаю, мне это... а Света не у тебя?

Во дворе возникла женщина лет пятидесяти, явно мест-

ная, кивнула Николаю, открыла рот, но тут же вскрикнула и отшатнулась.

– Я не ранена! – закричала на вдохе Марина. – Я... я живая.

– Там авария случилась, – пояснил Николай. – На шоссе, кто-то маршрутку подрезал. Сам удивился. Потому и вернулся не один. Им просто совсем некого ждать, решил вот помочь, все равно дом почти пустует. Так Света дома?

– Да, да... боже ты мой! Вам больно? Я это... я медсестрой работала...

– Спасибо, не надо, – ответила Марина. – Если только... попозже.

– Так Света здесь? – переспросил Николай свою землячку

– А... да, да, где ж ей еще быть, сегодня же выходной... господи, боже мой...

– Ладно, я просто подумал... Ладно, Марина, сюда, пожалуйста. Тут такие дела, есть одна хорошая комната, но в ней живет моя внучатая племянница. Она давно хотела это... съехать отсюда, к Наде или это самое... но, в общем, пока что-то передумала. Но там две кровати, так что я подумал...

– Хорошо, хорошо! – поспешила Марина, не думая ни о чем, кроме страха, что ее с крыльца кто-нибудь еще увидит и заработает инфаркт. Полумрак немного остудил панику. Она прошла узкий коридор с дверью на правой стене, потом большую комнату (скорее кухню с печкой) и остано-

вилась у последней, приоткрытой дверцы. До конца, предупредил напоследок Николай. Наверно, это и есть конец. Что он там еще говорил? Внучатая племянница? То есть, одной посидеть не удастся. Ну и фиг с ним. Хотя бы молодая, а значит, не разорвется сердце от испуга. На этой мысли Марина открыла дверь.

Маленькая зомбьяшка покушать пришла. Наверно, так это выглядело со стороны, подумала виновница, как бы оправдываясь за наглость и колотящееся от маленького шока сердце. Еще непонятно, кто больше испугался, она или эта самая внучатая племянница, которая как пружина подскочила на кровать и гулко ударилась головой об стенку.

– А... э... извини. Я... тебя не предупредили?

Та, которую звали Света, забилась с ногами в самый дальний угол кровати и продолжала давить на гостью испуганным взглядом, слабеющим, но как будто от безысходности, а не оттого, что все хорошо и мертвецов не бывает.

– Со мной все в порядке. Это... это не моя кровь. А тебя Света зовут? А меня Марина.

Сколько ей было лет, этой Свете? Пятнадцать? Нет, больше. Это сначала она казалась ребенком-обезьянкой, но теперь, когда ее тело застыло, а руки опустились вниз, можно было не сомневаться, девушка была не намного младше Марины, если вообще младше. На ней было какое-то ужасное платье в застиранный горошек, приоткрывающее бледные колени поджатых под себя ног. Сама она была

не то, чтобы полная, скорее колоритное сельское кровь с молоком, да и вообще могла бы сойти за красивую, если бы не спутанные, неухоженные волосы (вообще-то густые и красивые, вполне эффектный блонд, но как будто ей только вчера достались), да еще странные черты лица, к которым вообще не клеились адекватные слова, кроме каких-то дежурно-размытых, вроде «непонятный», «грубоватый», «нелепый» и «что она курит?».

Марина бросила сумку под столик, (от бумса Света снова вздрогнула), после чего сама как мешок рухнула на вторую кровать. Только теперь она почувствовала, как невыносимо бренчит по связкам усталость, как нестерпимо болят ушибленные колени и пальцы, как ноет спина из-за этой дурацкой хромой сумки, и как хочется упасть... даже не на кровать, а дальше, вниз, сквозь тысячи кроватей и потолков, и разбиться на мелкие кусочки с мелкими болями и смыслами, которые не имеют смысла. Но, видно, и вправду гибкие веточки ломаются долго и трудно. Марина дернулась на полпути к лежащей позе, ее пальцы сомкнулись на воротнике. Первые две пуговицы она еще растянула аккуратно, остальные просто сорвала. Вылезла из испорченной блузки, словно из пасти убитой змеи.

– Слушай, будь добра, выброси это... я просто не знаю, где у вас тут мусорка.

– Что?

– Выброси, говорю, вот это. Пожалуйста.

– Выбросить? – переспросила очевидица каким-то убийственно непонятливым голосом. Она что, еще и глухая?

– Да, выбросить.

– А... это, тетя Надя тут собиралась стирать...

– Я сказала, выбросить! – выкрикнула Марина так, что собеседница снова ударилась, на этот раз бедром об угол тумбочки. – Это кровь, ее фиг отстираешь. Лучше просто выброси, у меня есть, что одеть.

– А... х-хорошо.

– Ах ты, черт... ты еще здесь? Тогда выброси вот это тоже, – и в руки Светы был брошен лифчик, на котором зияло несколько багровых пятен.

– А... это...

– Что?!

– Тетя Надя это... у себя там баню собралась топить.

– Ну, тогда передай тете Наде мой большой и горячий ре-спект. Если это состоится пораньше, будет вообще замечательно!

* * *

Итак, спустя примерно полчаса после подробно описанной выше аварии молодой тесластроитель Иоганн фон П. оказался в чужом доме в центре не менее чужой деревни, название которой даже упоминать не следует, дабы не врать в связи с тем, что единственный дорожный указатель был

в крайне плачевном состоянии. Иоганн четко разглядел только три буквы: «уда» – сочетание мелкое и скользкое, подобно зернышку помидора. Удав, оценка «удовлетворительно», старинное русское слово «уд» (значения которого Иоганн в то время не помнил) – на редкость бесполезные ассоциации.

Но вернемся в дом. Итак, хозяин дома Николай, как и обещал, показал Иоганну подобъект для тестирования, а именно небольшую комнату наподобие летней террасы. Первое, что запомнилось ему на пороге (с виду бессмысленный факт) – это монета, лежащая в метре от двери на пыльном, исцарапанном дощатом полу. Как оказалось, не просто монета, а 1\$ США, видимо, выпавший из чьей-то нумизматической коллекции (на верхней стороне была надпись LIBERTY и какой-то женский портрет). Мой знакомый поднял монету, рассмотрел и машинально бросил в карман, уже начиная об этом факте надолго забывать.

Что касается самой комнаты, она имела 2 окна, дверь располагалась в конце длинной стены, которая, если смотреть в одно из окон, будет считаться левой. Наличие и расположение мебели было примерно таким:

1. Кровать, одноместная, у правой стены, у окна;
2. Шкаф, также небольшой, громоздкий и ободранный, у левой стены;
3. Тумбочка у дальней стены, под дальним окном;
4. Два стула: около тумбочки и около кровати.

Была в этой комнате и другая, гораздо более важная особенность, но о ней придется упомянуть позднее, поскольку в первые часы Иоганн не усек ничего, кроме пункта 1. Он просто свалил с плеч рюкзак и рухнул на кровать с ощущением полного бессилия в теле и мыслях. В таком состоянии он пролежал еще N минут, не понимая ничего: как он здесь оказался, что это за место, сколько прошло времени и какова диэлектрическая постоянная в этом мире – короче говоря, нисколько не сопротивляясь нахлынувшему на него оцепенению.

Постепенно пазл из кусочков мозга начал складываться в нечто столь же округлое и двудольное. Иоганн заметил выцветшие обои на потолке, потом зеленоватые стены и белые рамы. Потом вспомнил аварию, заметил шкаф, проиграл в памяти явление Николая, заметил тумбочку и наконец, подобно альпинисту, разбившемуся обо все промежуточные выступы, упал на самое дно своего отчаяния.

Падение обернулось обширным удушьем и безобразной искристой тьмой под зажмуренными веками. Однако на этот раз было не так больно, как следовало ожидать. Возможно, гнев мумифицировался на сухом воздухе, или обреченность подавила последние очаги надежды. Иоганн поднялся с кровати, разжал кулаки и зачем-то подвинул к себе сумку, хотя еще секунду назад ему хотелось пнуть ее изо всех сил. Когда нечего терять, совсем нечего, только тогда появляется та самая свободная воля, что не раз приходила ему на край ума

в более печальные дни.

[Модуль любит нас. Модуль желает нам только добра]

Проглатывая какие-то мысли, Иоганн как замороженный поднял выпавший тороид. 30 сантиметров в диаметре, гофрированная труба 80 миллиметров, укреплен изнутри герметиком и покрыт сверху кусочками толстой фольги. Кривовато, конечно, покрыт, зато издали почти идеальный тор, прямым из трехмерной картинки. Блестящий бублик, вершина конструкции, корона, не допускающая коронного разряда, венец электричества самого высокого полета!

Иоганн опустил тороид на кровать и достал вторичку. Тускло блестящий цилиндр, замутненный белыми подтеками эпоксидки, напоминал огромную свечу. Да, люди, не покупайте эпоксидку в виде клея на строительных рынках! Может быть, как клей она и хороша, но как лак или компаунд – это писец! Мало того, что они у них огромный разброс по свойствам, они еще и хранят ее не пойми где, как и сколько. Хочешь прозрачную и блестящую, а получаешь, блин, молочно-мутную фигню. Если нужно только сверху что-то покрыть, уж лучше какой-нибудь лак изолирующий. Или уж тогда нормальную, разливную эпоксидку известных марок у надежных поставщиков.

Иоганн достал еще две вторички, не менее позорные, осмотрел все три, выбрал самую лучшую и оставил на полу. Остальные засунул обратно. Затем отложил рюкзак, поднялся и подошел к окну. За окном виднелся типичный де-

ревенский пейзаж: участок этого дома, крыша соседнего дома, а также забор и огород, на территории которого бесшумно качались густые плодовые деревья. В те минуты Иоганн не обратил внимания на эту необычно добротную бесшумность (точнее – звукоизоляцию); тишина его скорее радовала, будучи именно тем, что требовалось его истертому мозгу. Впрочем, и покой все больше напоминал безвоздушный цемент. И все же, не успев в этом цементе окончательно задохнуться [и возродиться, как всегда, чем-то иным], Иоганн пережил нечто вроде глотка чистого кислорода.

Силуэт: стройная женская спина, совершенно обнаженная, словно танцующая медленный эротический танец. Иоганн застал себя облокотившимся на стену возле рамы окна. Соседнее окно было пустым и черным, словно экран любителя порнографии, которому отключили свет. Значит, привиделось. Или вообще приснилось. Не слишком большая честь придаваться эротическим фантазиям в сложившейся ситуации. Впрочем, фантазия вполне могла оказаться и не фантазией вовсе. Попутчица, так благодарно и мягко вылетевшая из его головы; эта неуравновешенная (убийца) истеричка со странным именем Дарина все-таки увязалась с ним, и ее тоже приютили где-то здесь, в пределах дома, чьи основные окна были хорошо видны отсюда, из террасы. Кроме того, ей было просто необходимо умыться и переодеться.

Но реальность довольно быстро утопила гормоны и видения богинь, заставив очевидца сморщиться и зажмурить гла-

за, как будто веки могли выдавить из памяти то кровавое и все отменяющее, что вспоминать категорически не хотелось. Лучше бы это был глюк, подумал он, по крайней мере, ярлык «красивая» принадлежал бы воображению, а не той, что его не заслуживает. «Все из-за нее!», проорали эмоции на всю черепную коробку, нисколько не стесняясь объективной ложности данного утверждения.

Иоганн больше не вглядывался в окно. Его уши были вмурованы в уже описанную выше добротную тишину, а нос – в глубокую древесную сухость на грани паленного. К этой сухости следовало отнестись с еще большим вниманием, чем к отсутствию шума, и любой другой человек наверняка бы отнесся, но для Иоганна это был почти родной аромат. Бывало, найдешь какой-нибудь старый советский трансформатор, например на 127В, и нечаянно включишь его в 220В. Или даже не включишь, просто понюхаешь. Он и так старый, сухой, и вся бумага, проложенная между слоями обмотки, обязательно хрупкая, потемневшая, пережившая сотни и тысячи нагреваний... этот запах был одним из самых приятных в той объемной палитре горелых «ароматов», которые он умел различать.

Иоганн нашел источник запаха. Продолговатое темное пятно, почти совпадающее с углом между стенами и потолком. Дыры и неаккуратно содранные обои, словно попытка снять верхний почерневший слой. Иными словами, второй после буржуйской монеты бессмысленный факт, кото-

рый не вяжется в этот мир. Были разные варианты, но отчего-то сразу вспомнились детские вандализмы в лифтах и на лестничных клетках: пятна сажи на потолке и лампах, от зажигалок, купленных на мелочь или стыренных у отцов. Однако следов малолетних хулиганов больше не было, зато зиял вопиющий факт, что подобное хулиганство, с учетом сухости и обилия горючих материалов, привело бы к пожару, следов которого также не наблюдалось.

«Ладно, не мое дело», сказал себе Иоганн, после чего отвернулся, возвратился на кровать и достал мобильник.

И только в этот момент он осознал, что, кажется, не знает телефон того чувака. Они переписывались по электронной почте и в «личке» форума, при этом точно не созванивались, хотя Иоганн помнил одну крайне дельную мысль перед отъездом: посмотреть телефон, указанный в профиле пользователя, на всякий пожарный. Но потом его настигла другая архиважная мысль: «Каково точное напряжение моих старых транзисторов: 500В или 600В?» Иоганн полез за datasheet'ом, напрочь забыв о телефоне, в итоге теперь без труда поймал себя на мысли, что не помнит ни того, ни другого. Таким образом, напряжение злобы удвоилось, превысив номинал, и лишь одна мысль (словно TVS-диод) спасла его: «Если я не помню ничего, может быть, я успел все, просто забыл? Кажется, я пытался ему прозвониться, чтобы удостовериться в правильности списанного номера? Или не пытался? Или не ему? Вот склероз».

Иоганн включил телефон и стал методично прокручивать список вызовов. Вадим, мама, неизвестный, неизвестный, Сергей Николаевич, Вадим, Алексей Дмитриевич, снова неизвестный – листая этот список, он все больше ловил себя на мысли, что неизвестных для него здесь несколько больше, чем для телефона. Например Сергей Николаевич: кто такой Сергей Николаевич? Кажется, препод; вот только какой, и зачем он ему звонил? Иоганн попытался найти все остальные вызовы этого абонента и был еще более озадачен: их оказалось пара десятков; плюс несколько SMS-сообщений: «Куда же вы исчезли?», «Приедете на конференцию?», «Подойдите к 4, еще одна фирма интересуется вашей разработкой», «Поправьте статью, слишком просторечно. Но тема их заинтересовала», «Оцифровал кота. Хорошо бегает. Стал работать быстрее», «Как правильно, безмаркерная или безмаркерное?». Иоганн попытался удалить этот неведомый хлам, но промахнулся, и переписка выжила, только окно закрылось. И правильно, он же искал номер чувака. Снова открыл список вызовов, потом телефонную книгу, но ничего похожего на контакт или вызов перед отъездом не обнаружил. Значит, надежда оказалась плодом воображения.

Иоганн рухнул на кровать и пролежал не меньше десяти минут, раскинув руки в стороны и чувствуя себя раздавленным тараканом посреди чистого, монотонно белого линолеума судьбы. Он уже не злился в прямом смысле этого слова, хотя воображение то и дело присовокупляло к рукам то про-

вод, то паяльник, то заостренный окровавленный лом. Честно говоря, он до сих пор плохо понимал, что с ним происходит. Знал только, что не самое худшее; знал слишком хорошо, чтобы позволять себе «смотреть вниз». И потом, с ним рядом было то, что не позволит ему полететь дальше. Блестящее, мощное, резонансное. Его жизнь. Его мощный тигриный бег сквозь поля и кусты, без оглядки и поворота, навстречу свету и молниям, [и новому обрыву но сейчас это не важно, совсем не важно] ведь еще не прошло и года!

«По ходу дела и правда придется протестировать жилище у этого старичка», – подумал Иоганн и даже не расстроился.

У погоды странное чувство юмора. В полдень было пасмурно, и это еще можно было принять как есть, но теперь эта вечерняя солнечная композиция, как ее назвать... «Счастлиное возвращение домой» согревала тело и душу всем, кроме согласия... нет-нет, да передернешься, или просто покачаешь головой и прыснешь себе под нос. В остальном же все было до неприличия великолепно. И вроде ветер стал сильнее, более порывистый, и даже холодно сквозь мокрые волосы, а все равно и уютнее, и нежнее, и вообще как будто сон кончился, кошмар... и наступил другой сон, причудливый, но спокойный и теплый. Такие всегда забываются поутру, и это, конечно, печально... но иногда вот везет.

Куда? КудаАж? КУдаж? Да нет, показалось ему. Не может деревня называться настолько в тему. Куда-ж нас занесло?

Но Марина запомнила это название именно таким. Не будем ей перечить.

Был уже вечер, когда наша путешественница, все-таки смирившись с суточной ссылкой, вышла на обещанную прогулку. Что было до этого, словно погрузили в какую-то забывательную настойку... хотя едва ли было что-то приятнее за последние сутки. Осознавать, что жива и здорова, что не сломана ни одна кость (если верить тете Наде), что

даже такая страшная вещь этого мира, как ДТП, обернулась всего-то лишним приключением на столь изголодавшиеся по ним мягкое место... ну не чудо ли это? А потом натопленная баня у соседей, бесплотно-сказочная в этом мире душой и джакузи (вернее, в том мире), и только тетя Надя, или просто Надежда, как называл ее Николай, оставалась реальной... даже стыдно за свои неуклюжие благодарности. Потом еще и накормили, с малиновым чаем и лавашами, и даже не сильно пытали насчет того, как они умудрились поехать по такой дороге (не знаю, наверно ремонт, объехать решили), и насчет самой аварии (нет, что вы, никто не погиб, все живы!).

Не вспоминать, нет, только не вспоминать...

И вот теперь, под густо-желтым вечерним солнцем, срезав путь между участками, Марина шелестела усталыми ногами по траве, проглатывая смятение и не в силах проглотить улыбку... если это действительно была улыбка, а не что-то устало-рехнувшееся, обнаглевшее без зеркала. Как и обещала себе, отправилась смотреть церковь, которая до сих пор сидела в ее памяти как самоцветик в оправе. Может быть, ей не одна сотня лет, этой церквушке – глядишь, и для курсовых пригодится, а то и для диплома.

«Нет, не вернусь!», тут же что-то закудахтало изнутри. Захотелось зажмуриться не только глазами, но и легкими. Неуместно, не вовремя, но эта невернуська так просто не отстанет. Марина не стала копаться в себе, и сла-

ва богу, просто досчитала до скольких-то там и подумала о другом, о насущном, о родном. О звонке домой, родителям. О том, как, несмотря ни на что, соскучилась! Самое время – не поздно, тихо, никуда не спешишь... и, кстати, связь – открытая возвышенность, уж тут-то наверняка ловит.

И только взвесив телефон на полпути к уху, затормозила. Даже шаг замедлила. Вспомнила, как необычно для себя недавней спешила этим утром (черт с ней, с зачеткой, осенью заберу), как убывала из общаги (если что, я дома, звоните на мобильник, всем чмоки!), и подумала, что чуть не упала родителям как снег на голову, приехав так рано и внезапно.

Конечно, она звонила еще пару дней назад и говорила, что, может быть, приедет на днях... если повезет. Повезло. Почти. Хорошо, не додумалась обрадовать маму с папой прямо из маршрутки. Вот это была бы проблемка. А сейчас родители спокойны и беспечны, потому что ну никак не ждут дочу до конца этого дня. Да и следующего тоже. Нарушать идиллию своим SOSом? Еще ведь придумать надо, как изложить всю эту историю так, чтобы с одной стороны не тревожить, а с другой стороны, чтоб это правдой выглядело, а не как сейчас, когда самой даже не верится.

На окраине воздух был и свежее, и холоднее. Марина пожалела, что легко оделась. Но бодрый шаг согревал. Это только кажется, что идти среди высокой травы – занятие легкое, божественное, романтическое. Конечно, газон за но-

ги не цепляется, а вот трава до пояса делает это с виртуозностью спрутов и медуз. Даже тропинка не выручала. Тропинка была узкая и кривая, через каждый шаг кочка или лужица-миниболото, вокруг которой порхали серо-синие минибабочки, голубые министрехозки и комары, вполне себе нормальные. Хорошо, не кусали. Кажется, тетя Надежда говорила, что с насекомыми у них тут хорошо... вернее, плохо для насекомых, не приживаются. Даже как будто посочувствовала комарикам, добрейший человек. Впрочем, еще час назад какие-то слепни вовсю радовались предзакатному солнцу... и нежной коже с нерастраченной кровью.

В общем, не очень было здесь уютно, по дороге. Оглянешься назад: огороды, сараи, десяток крыши не фасадного вида, вот и все поселение. А на переднем плане последние поля картошки (кстати, нормальные, ухоженные), а дальше все, пустырь – какие-то кочки, бурьян, гнилые бревна и пепелища. Только один целый домик, да и тот не коттедж. Кривой заборчик с обугленными пятнами, плантация крапивы... если там и жил какой-то бирюк, то познакомиться что-то как-то не хотелось.

Совсем уж до церковных стен не дошла – тропинка иссякла, начались бугры и кирпичи в репейнике. Но дальше и не нужно, насладиться видами можно и здесь. А виды были такие, что замирало сердце. Совсем истосковалась, слишком долго не снимала с себя Москву. Даже хороший фотик, с диафрагмой, но без сердца, казался бессильным и бес-

полезным. Церквушка и вправду была как маяк или замок на вершине скалы. Совсем близко начинался овраг, живописно резкий и глубокий, в нем – река, а дальше и просто фантастическая многослойная картина из холмов, лесов и тумана. Туман сгущался в овраге, словно тончайшая шаль, упавшая на ковер, только речка блестела урывками из-под обильных, почти тропических зарослей. Так бы и заснула над этой красотой.

А на холме больших деревьев не было. Только за церковью что-то густело (и кустело), на переднем же плане только штормящее море травы и несколько мертвых не то лип, не то тополей. Сухие, лишённые коры, сказала бы, даже весьма устрашающие рогатины словно подчеркивали одинокое седое величие храма прадедов.

Сама церковь действительно была заброшенной, причем давно и безжалостно. Маленькие деревца и кусты, целое множество, выросли вокруг нее, а кое-где и на ней самой, что, впрочем, не умаляло красоты, и даже придавало какой-то особый шарм – вспоминались индийские храмы, вырезанные в скалах, таких же рыжих, как эти кирпичи, которые на фоне белой штукатурки напоминают бисквит в креме. Это вообще очень колоритное сочетание: кирпичи и штукатурка. Живая старина, не музейная, рабочая, уже на пенсии, но еще крепкая и бодрая... или могла бы быть такой. Даже не знаешь, что менее печально: когда увядает цветок или когда рассыпается гербарий. Церковь прочная,

но враг уже так близко со своими поросшими слоистыми оползнями, еще одно-два половодья, и все. Вон, уже трещины в основании стен, как раз там, где нету солнца, и кирпичи на фоне остатков белизны такие темные, кроваво-бордовые...

«Ой, нет, только не сейчас, только не здесь, не вспоминать! Подсознание, миленькое, пожалуйста, иди на фиг!»

Вздыхнула. Вытерла пот со лба.

А вообще церковь была немаленькая, даже весьма крупная, наверняка еще сто лет назад здесь было большое, процветающее село. Похоже на поздний классицизм, подумала Марина (надо же, еще помню что-то). А это значит, церкви может быть куда больше сотни лет. Например, двести. Треугольные фронтоны с пилястрами, квадратное основание, казалось бы, небольшое, но из него выросал один единственный, и потому просто дух захватывало, насколько широкий барабан с зонтичным куполом, почти как у Исакия, только без позолоты. Такая прямо мощная вертикаль... красивая церковь... была. Верхняя часть купола своей гниющей чернотой сбивала половину всей красоты.

А вот колокольня, похоже, новее. Или ее реставрировали? Нет, скорее заново достроили, конец XIX – начало XX века, псевдорусский стиль... «если я опять ничего не путаю». Восьмерик в основании, круглый барабан с узкими окошками, словно отсылающий к Ивану Великому. Серьезно подошли. Только черные остатки купола – обугленные, обломан-

ные журавцы – нагоняли печаль и что-то зловещее, словно клыки, хватающие небо.

Марина отложила фотик и села на травянистый склон. Сейчас бы лечь в позу морской звезды и раствориться в блаженстве, усталости и стихах Есенина. Только мантию мочить нельзя. Жажда сухости и чистоты, почти побежденная... легкая свежесть и банно-домашний аромат от лица и рук, утопленных в тройной порции крема... даже эта многослойная занавеска была слишком тонкой. Уж лучше думать, что холодно, сыро и пора назад.

«Ничего не поделаешь. С этим придется жить. И с этим тоже».

Солнце катилось все ниже, уже совсем оранжевое, большое и тусклое, а значит, надо скорее решать, звонить домой, извиняться, передавать привет... или не звонить и сразу идти обратно, пока не устроила тут себе новое приключение, с простудой и народной медициной.

«Звонить. А то эта тишина меня с ума сведет. В конце концов, не буду же я им все рассказывать. Только это... если возьмет папа, спрошу у него насчет церкви... что же я хотела спросить? Блин, забыла. Ладно, он вряд ли возьмет».

Взяла мама.

– Алло. Марин, ты?

– Да, мам, это я. Как вы уже поняли, я сегодня не приеду.

– Да... э... а...

– Мам, алло, меня слышно? Я хотела сказать, что я за-

держусь до завтра. Я тут...

– Э... и... о...

– Ничего не слышу, мам. Алло! Ал-ло! Блин.

Марина сбросила и попыталась перезвонить. На этот раз вместо мамы праздный голос ответил, что телефон вне зоны. Отошла на несколько шагов – ничего не изменилось. Четыре палки в углу экрана были надменно темными. Еще несколько попыток, и так же без толку. А между тем становилось не по-летнему холодно. На горизонт наплывали новые кучевые облака, громоздкие, резко очерченные. Сильный ветер дул без устали, монотонно, в одном направлении, словно сквозняк, который твердо решил скинуть мушку с форточки вниз, в овражно-лесную бездну.

Обратно шла быстрее и кривее, чем туда, уже не запоминая кочки и лужицы... хорошо, кроссовки одела, и то отмывать придется. Зато холода почти не было. Ветер будто оправдывался, что на самом деле он свежий, терпкий и вкусный – кажется, где-то шли сенокосы – но это не больно радовало. Долбаный звонок. Какую часть услышала мама, если сама смогла донести только первые три слова? Как это выглядит со стороны? Звонит дочь, кричит на ветру какие-то невнятные слоги, и тут связь обрывается на неопределенный срок? Нормально! Уж лучше б вообще не звонила. Хоть беги сейчас отсюда пешком домой.

А еще ей не понравился мамин голос. Какой-то он был

неспокойный, с самого начала звенел на высоких тонах, и как будто хотел сказать между строк «Ну наконец-то, доченька, сама уже хотела звонить!». Может, это и не тревога, а просто раздражение (опять папа что-нибудь учудил?) или удивление, что так поздно звонит. Или вообще показалось, из-за ветра, громкости и... всего остального. Да, точно показалось. Не могла же она узнать... черт, не вспоминать, не думать!

Марина споткнулась о какую-то железку в траве и чуть не упала. Потому что нельзя зажмуриваться на ходу. «Показалось, – сказала она себе. – Не, ну серьезно, что такого могло случиться? Ничего. Это здесь случилось, здесь, а не там, и то все обошлось – жива, здорова, сыта, умыта. Чего еще ждать? Утро вечера мудренее».

Добралась до дома (хорошо, хоть не забыла, куда идти) и поняла, что не хочет больше ничего от этого дня. Тучи ускоряли сумерки, ветер не стихал, и вопреки всем оправданиям, в голову лезли не красивые виды, не оранжевые игры солнца на кирпичях церкви, а некрозный бурьян, да сухие деревья, эти окоченелые рогатины (и правда, почему их так много?), нелепые, окаменелые твари, скелеты старорезжимных вандалов, столпившиеся вокруг разоренного храма.

В доме горел свет. Не везде, а только в коридоре и в пристройке с большими окнами, но все лучше, хоть какая-то управа на сумерки. Марина уже была в двух шагах от крыльца, когда что-то сверкнуло, раздался хлопок и все погасло.

* * *

Подключены или не подключены конденсаторы, вот в чем был вопрос. С одной стороны схема плавного пуска вроде барахла, а без нее бросок тока немедленно выбьет пробки. Но с другой стороны стабилизация, вещь необходимая. Надо вскрыть и проверить перед тем, как совать в розетку.

Однако именно на этом работа застопорилась

Универсальный блок питания представлял собой ящик 300x200x100 мм, имел панель управления, сетевой провод и два выходных разъема – самых толстых и самых суровых. К ним подключены не менее суровые толстые провода на основе акустического кабеля сечения больше 10 кв. мм. Эти провода вели к первичной обмотке в виде спирали цилиндрической формы из сантиметровой медной трубы. Восемь витков, двадцать с небольшим сантиметров в диаметре, напоминали гигантский кипятильник. Первичку часто делают в виде плоскости, однако это не всегда удобно при транспортировке: в цилиндр можно хотя бы положить что-нибудь вовнутрь, а спираль легко погнуть в плоскости. Из первички росла полая пластмассовая труба, пресловутая вторичная обмотка, в которой и рождается то самое напряжение, амплитуда которому сотни киловольт. Важно, чтобы эта труба была пустой, никаких сердечников, никаких посторонних проводников, ибо это не обычный трансформатор.

Не помню уже, как давно последний раз включалась эта катушка Тесла. И этот блок питания. Старый и, как и все пионерское, громоздкий и барахлящий, он не давал разряды больше 20 сантиметров – транзисторы не те; и все остальное тоже. Иоганн запускал от него не более, чем старую, неаккуратную мелочь, которую не жалко, соответственно и от источника ожидая конца в любой момент. Надо сказать, не без грусти. Ненужные вещи всегда немного жалко, всегда каким-то маленьким детским сердечником хочется прижать к себе, взять с собой под подушку и просто пожалеть [не вспоминая правды и пустоты], погладить по мутной обмотке [интересно, что ее заменяло в те времена?], потому что ни на что другое они уже не годны. Их место занимают другие вещи, нужные, серьезные и интересные. Жалость растворяется, как звезды в утреннем небе. А днем Иоганн запихнул их в рюкзак и понес отдавать, продавать, предавать, фыркая от нетерпения и млея от образа новых, желанных суперкомпонентов. Ночь подкралась незаметно. Иоганн споткнулся и задел рубильник дня. И остался один в темноте, наедине с несколькими искорками, соединенными вместе, готовыми работать и даже простить хозяина за предательство.

Но это все фигня; проблема была в том, что корпус не открывался без отвертки, а отвертку с собой он не взял. Вторая проблема: несовместимость евровилки и местных розеток; требовался переходник. Именно эти две проблемы за-

нимали разум моего знакомого Иоганна спустя пару часов после катастрофы, а их решение – весь тот неправильный день до самого вечера. Кроме того, за это время пришлось немного больше узнать о хозяине дома, которого звали, как было неоднократно показано выше, Николай.

Первый раз Николай застал его уже с собранной Теслой и расстеленными по полу проводами. Вопреки всей пожароопасной наглости задумки, домовладелец ругаться не стал, и, видимо, не умел. Лишь улыбнулся и пожелал постояльцу не устроить конца света, поскольку сеть убогая, непредсказуемая и часто вырубается, и вообще «Тесла, говорят, чуть не уничтожил Землю. И Тунгусский метеорит на самом деле из-за его эксперимента». Иоганн не стал спорить, так как наслушался подобной ахиinei на годы вперед, да и собеседник к злобе не располагал. Высокомягкий гуманный; для таких физика – это раздел черной магии; а разбираться в теслах означает знать самого этого сербского изобретателя (кажется, Иоганн сказал «чешского» и был тут же поправлен), как будто физические законы зависят от того, кто их открыл и какую еще завораживающую фигню он там напридумывал.

Далее Николай спросил, как давно «юноша» занимается этим делом, и долго удивлялся, как человек всего за один год может достигнуть таких успехов. Иоганн усмехнулся: вы еще не знаете, каких за год можно достигнуть падений.

В таком режиме прошло минут десять. Николай не собирался уходить, а Иоганн не чувствовал желания крикнуть

«оставьте меня в покое!» и забыться сном, раз уж автобуса ждать бесполезно. Незаметно речь зашла об учебе, и он поймал себя на мысли, что уже всю рассказывает, а скорее ноет о том, какая мощь резонансный трансформатор Тесла и каким бессмысленным он считается для народного хозяйства. Трудно представить, как он, ненавидевший нытье, опустился до такого; очевидно, усталость подкосила его защитные механизмы. Дело в том, что скоро диплом, а пресловутое экономическое обоснование грозило опрокинуть все его триумфальные планы. Конечно, всегда можно что-то придумать, но почти все применения девайса были сугубо лабораторные (а значит, можно заменить чем-то более простым, вроде генератора Кокрофта-Уолтона) или сугубо развлекательные, т.н. «хихоньки да хахоньки». А выбирать что-то другое поздно [и невозможно в принципе, как выйти тела], да и не из чего, т.к. преподаватели унылы, немотивированы, ничего им не надо, кроме совковых стереотипов о полезности и бесполезности, и то сквозь пелену маразма, и такими же оставляют студентов, а потом ругаются, что не чтут их предмет и уходят из специальности. В итоге это зауспокойное нытье кончилось тем, что Иоганн пересказал легенду, которую некогда слышал в своей альма-матери от одного, как водится, старого профессора. Якобы ходил к ним на кафедру годах в 80-х преподавать один ведущий инженер с предприятия – как-то на Н его звали – страшный был человек. Демиург собственного предмета. Валил даже отличников и каж-

дую неделю приходил с новыми ноу-хау и рацпредложениями. Но дело даже не в этом. Дело в том, что это знание, эта любовь/болезнь/страсть во время экзаменов вонзалась в глазницы каждому, кто сядет с ним за один стол. Одни троечники, заваленные им, потом пересдавали на твердые пятерки другим преподавателям; другие, наоборот, сами уходили из института как самураи из жизни; некоторые даже плакали после экзамена; но никто не оставался равнодушным.

Странно, что это подействовало снова, но ему действительно стало легче. Как тогда, на шоссе, вроде совсем недавно, а уже в другой жизни. Впрочем, радоваться было рано. В ответ на «притчу» Николай завел свою собственную философскую исповедь, начав с утверждения, что проблема современного общества [как эпично и сонно звучит одна эта фраза!] в избыточном следовании канонам строгости, рационализма и ответственности за будущее. Ответственность и строгость, конечно, помогает побеждать, но в результате побеждают не сильнейшие, и не умнейшие, а просто педантичные дураки, которые не справляются с элементарной спонтанностью и неизбежно подводят вверенный им народ (страну, человечество) на следующем этапе истории.

Если выше описанное еще можно было расслушать и оценить, то далее началось что-то совсем унылое. Как следствие, значительную часть выступления Иоганн прослушал, шуруя по сумке в поисках хотя бы заменителя отвертки (см.

выше, зачем). Однако тревожные последствия, наступившие в скорости, вынудили его тщательно воссоздать в памяти даже это недоразумение.

Итак, Николай признался, что по специальности он историк, причем, кажется, высококлассный и любящий свою профессию. Однако низкая востребованность таких профессионалов вносила существенный импеданс в его жизнь. Историки преподают и пишут книги, но чаще работают не по специальности, как универсальные гуманитарии, которые на «ты» с документами, датами, литературой и т. д. Что касается прошлого, то и там нечем похвалиться. Государство растило инженеров из тех, кто поумнее, и рабочих из тех, кто поглупее, а историки, тем более историки-исследователи, как себя называл Николай, скорее входили в группу риска, для которых советская идеология так же неочевидна, как божественная сущность молнии:

«Иногда я жалею, что не пошел в инженеры. Хотя какой из меня инженер? Лампочку не всегда могу вернуть. Исследователь – да, но исследовать я любил время, а не пространство. Историю. Вы даже не представляете, какая это вселенная, сколько там загадок в таких вещах, которые, казалось бы, известны вдоль и поперек».

Далее в качестве примера Николай привел какую-то странную историю, видимо, в продолжение темы конца света Николы Тесла: якобы в какой-то жуткой древности (на самом деле, в 1492 году) по какому-то другому календарю

(от «сотворения мира») была какая-то круглая дата (7000-ый год), и это дало очередной повод пугаться конца света. Плюс ко всему, закончился старый календарь пасх (оказалось, дату этого праздника как-то хитро вычисляли, и была целая таблица), посему люди даже поля не засеивали, а когда конца света не произошло, случился голод. Пришлось обращаться за новым календарем в Рим (Странно, подумал тогда Иоганн, вроде Рим пал за несколько веков до этого), потому что сами вычислять пасхи на Руси тогда не умели («А что, Ломоносова еще тогда не было?», спросил Иоганн, но Николай почему-то оставил этот вопрос без ответа). В заключение историк сказал следующее: «А можно посмотреть на это с другой стороны: хочешь с минимальными затратами повлиять на широкие массы населения, пусти слух о конце света».

Хорошая была попытка, но Иоганн все равно не любил гуманитарные дисциплины. Вероятно, следовало честно признаться лектору в своей далекости от истории даже рода Кирхгофов, не говоря уже о всяких Да Винчи и прочих «доэлектрических» гениях. Однако обижать хозяина язык не поднимался. Пришлось смириться с тем, насколько хозяин «ценит» гостя. Настолько ценит, что готов поделиться сокровенным – уже не студенческими, а самыми настоящими историческими легендами и былями про неведомые гребанные рукописи, плащаницы и либереи.

Собственно, о последнем из выше приведенных слов речь

[как бы невзначай] и зашла. Николай когда-то занимался этой проблемой и пояснил, что Либерея – это потерянная библиотека Ивана Грозного, в которой по легенде содержатся какие-то жуткие античные знания [тоже мне жуткие, они даже закон Кулона не знали!], и многие до сих пор пытаются ее найти, хотя нет никаких доказательств того, что это собрание книг вообще существовало. Любопытным представляется само развитие этого мифа и его срастание со многими другими загадочными историями, в разное время ходившими по Русской земле, в частности, жизнью Якова Брюса.

Николай наконец-то замолчал. Его меланхоличный взгляд был направлен как раз на ту странную паленную хрень в углу комнаты, однако не замечал ее или не считал нужным фиксировать пустяки. Этот взгляд, видящий целое без деталей, как нельзя прямо напоминал о неделимом мире, где человеку не всегда есть место. Иоганн уже помнил это ощущение, все там же, после аварии: человек не отсюда. А поскольку он сам был здесь еще более человеком не отсюда, мысли о родстве душ не могли не остудить его перегретый разум. Осталось непонятным следующее: «Почему он так привязался ко мне? И вообще, что он здесь делает, этот абстрактный мечтатель?»

Хозяин словно услышал его мысли. «Вас наверно, интересует, какого шиша я тут делаю, в этой полумертвой деревне?». Именно так, «какого шиша». Иоганн даже вздрогнул. С учетом того, что людей на пенсии часто тянет на садовод-

ческий покой, можно было смело отменять этот некорректный вопрос, однако не гость задал его, а сам хозяин, и замолчал он, будто за ответом действительно скрывалась если не тайна, то уж точно проблема. «Вы не поймете...», начал он, словно подтверждая загадочность загадки, а потом и вообще сказал: «Мне нужна ваша помощь».

Однако ответы по существу так и не родились. Николай опять ушел в абстракции, на этот раз спросив о какой-то то ли церкви, то ли колокольне на окраине деревни. Иоганн покачал головой, скорее машинально, чтобы сменить тему, ибо церковные проблемы интересовали его еще меньше, чем исторические. Но тема не сменилась. Николай пояснил, что церковь была когда-то «сердцем» этого населенного пункта, однако уже давно пребывает в заброшенном состоянии и постепенно разрушается. Тем не менее, постройка по-прежнему остается высотной доминантой, и нужно серьезно постараться [конечно, ты как всегда гениальнее всех], чтобы ее не заметить. Что касается Николая, то он знает ее с детства, а ныне питает к ней любовь не только ностальгическую, но и чисто научную, археологическую, и, похоже, очень неслабую.

«Я как раз хотел туда пройти. Не составите мне компанию?», спросил он, наивный как изобретатель вилки Авраменко.

Как-нибудь в другой раз, сказал Иоганн, окончательно проснувшись, после чего, уже ни на что путное не надеясь,

спросил хозяина, нет ли у того отвертки и/или переходника на евророзетку.

«Дайте подумать», ответил хозяин, однако думать не стал. Вместо этого подошел к ближайшей стене, отодвинул стул и словно вытянул из ниоткуда метровую дверцу, открывающую путь в темноту. Запахло терпким землистым воздухом. Дверца была покрыта обоями, такими же, как остальная стена, вот почему Иоганн не заметил ее раньше. А зря. Брызнувший в лицо запах изобиловал не только застарелостью, но и куда более родным множеством ароматов, отличающим поистине добротную кладовую. Николаю не пришлось становиться гидом. Иоганн сам еле удержался от крика «Вау!». Тусклый свет уже вывел перед ним груды приборов, инструментов, проводов и другой политехнической утвари, буквально растаскивающей на куски его воображение.

Кажется, даритель говорил что-то еще: извинялся, если что-то отсырело, предупреждал о низком потолке, о пыли и острых углах, но Иоганн не слушал его. Старый осциллограф, громоздкий, почти антикварный, но зато классический, аналоговый (тесластроители не любят цифру), это и другие открытия уже сносили ему башку киловольтами настоящей эйфории. «Отвертка, переходник? – думал он. – Да какой к черту переходник? Да с таким сырьем я тут целый реактор с нуля построю!».

Это утро умудрилось наступить раз, наверное, шесть. Яркое окно сотворялось из пустоты, проглатывало несколько минут, или десятков минут, и вновь опускалось под налет сна цвета молотого кофе. И снова утро. И снова сон. Марина не помнила, во сколько проснулась первый раз и даже сомневалась, что такая грань существовала. Но раз на пятый или шестой, окончательно разочаровавшись в пользе сновидений, она спустила ноги на прохладный дощатый пол и увидела на часах время: без пяти девять. Пыльные занавески пропускали молочную пасмурную реальность. Было более чем прохладно. Тишина и неподвижность рисовали образ нерушимого покоя... или плена... и напоминали бы нечто округлое, кроваво-сырое и сдавливающее сердце из последнего букета снов, если бы не свет окна. Комната была прохладная, но добротна сухая. Соседняя кровать была пуста и небрежно заправлена. Аллилуйя!

Марина вовремя подставила руку под свое тонущее тело. Протерла глаза, потянулась, попыталась возрадоваться новому дню, но тут же снова скукожилась, опершись руками в матрас. Сон уже не домогался, но и повторять задорный прыжок девушки-модели с упаковки утреннего завтрака хотелось меньше всего. Усталость и ломота с концами не ушли, ушибы и растяжения еще давали о себе

знать, к тому же проступило несколько синяков, а щиколотки навязчиво чесались (Черт! Вроде не было же комаров?). Конечно, бывали ночки и похуже. А тут как на подносе: свобода, каникулы, свежий воздух, спокойствие, рано легла, не слишком поздно встала... но нет, организм не привык попадать в ДТП... и оставаться живым. Да еще соседка эта... вроде спокойной казалась... ну да, пришибленная немного, но кто же знал, что она еще и во сне пришибленная? Не то, чтобы разговаривала во сне. Большие сопела и дергалась. Но «впечатление» произвела, и проснуться среди ночи позволила. Хотя, наверно, дело не в этом, дело в собственной голове, которая умудрилась отравиться свежим воздухом. А сны все-таки надо забывать. Это нормально. Сны легко забываются, если спишь долго и спокойно, как нормальный человек, с двенадцати до девяти без отдыха и перерыва. Другое дело, когда перекур каждые полчаса.

«Вообще-то я тут как бы в гостях, и как бы на халяву... поэтому хватит разлеживаться! Уже, небось, сопят все за дверью, когда ж она, наконец, вывалится отсюда?»

И все-таки, прежде чем окончательно вывалиться в жизнь, Марина зажмурила глаза и плеснула на себя, словно лечебный бальзам, кувшин другого, светлого сна. Или не сна? Конечно, ей не снились чистые воспоминания, ей снилась всякая фигня вроде черных водопадов и гвоздик, распускающихся за пару секунд, но как же приятно под утро, на грани, на полпути к дому, такому близкому и такому

недостижимому, вообразить себе хороший ностальгический сон! Она не любила жить воспоминаниями. Нет, правда! Год назад так вообще не любила спать. Но сны полезны для здоровья пострадавших в аварии. Особенно сны о доме. Они всегда приятней среднего по больнице. Им невдомек, как может все измениться буквально за год... и новая краска на школьных стенах, и новые голоса, и новые лица, наглые, свежеподросише хозяева последних лет детства. Школьный двор запорошен золотистым порошком, причудливой попыткой сна обыграть палящее солнце. Мальчишки кричат низкими, уже глубоко мужскими голосами. Правильная девочка сидит под деревом с книжкой в руках. Туго затянутые мышино-русые волосы, серые глаза, тонкие губы, серое платье а-ля ностальгия по школьной форме. Как же ее звали? Лена? Пусть будет Лена; простое, знакомое имя, не положено долго вспоминать. Парни заглядываются на нее, всерьез, но как-то стеснительно, украдкой – Привет, а можно списать? Ну пожалуйста! – чтоб не позориться. Марина хорошо ее помнила. Слишком хорошо, ведь именно с нее началось... все остальное. Они жили в одном подъезде, играли в одном дворе, ходили за ручку в один первый класс... а во второй класс уже не за ручку – несерьезно. Но она все равно была стоящей подругой... отличница, собирательница похвал и обольстительница строгих училок, она была венцом творения все те годы, когда девочки – всегда нарядные, с бантиками, на первых партах – обгоняют

мальчиков в развитии по всем предметам.

Господи, как это было давно! И как все успело измениться. Но детская дружба сильнее, чем кажется, и вот, когда пора бы уже определиться с дальнейшей жизнью, эта зануда как нельзя вовремя спутала все карты. Актриса, блин. Ну и что, что на утренниках участвовала, да какая из нее актриса? Манекен и то живеет. Никто не спорит, отличница, серьезная, взрослая, но поступать на актерский... нет, не поступит, не поступит, скрестим пальцы... может, тоже попробовать?

Марина вздрогнула и резко встала с кровати. Полдесятого. Все, не видеть больше эту спальню! Надо было кофе из общаги отсыпать. Может, здесь дадут?

Но дом был пуст и бледен, словно уже продали, а новые жильцы не приехали. Интересно, кто здесь жил раньше? Наверно, большая семья. А теперь все, один Николай остался, и эта косулька, Света... интересно, где она сейчас? И откуда ощущение, что дом не только пуст, но еще и ватой забит, или газетами, как зимние сапоги на лето?

Марина вышла на крыльцо, намеренно тепло не одеваясь. Двор посапывал шелестящей травой, было пасмурно и не очень приветливо. В общем, со вчерашнего дня декорации не изменились. Еще несколько часов, и сюда приведут еще одну Марину и еще одного этого... Короче, уезжать надо, пока не поздно, пока гостеприимство не состроило гримасу.

– Ой, Марина доброе утречко, встала уже? – слышал-

ся голос тети Нади, особенно звонкий среди утренней тишины. – А Света дома?

– А... нет. Вроде.

– Ай, опять убежала, как всегда, даже не завтракала. Ну а ты как? Ничего не болит?

– Да нет, спасибо, все нормально.

– Ну ладно, давай завтракать, я молочка принесла свежего, и маслице вот, поди проголодалась?

– Ой, ну что вы, я... ну хорошо, спасибо вам еще одно огромное!

Так они оказались снова дома, уже на кухне, Марина за столом, Надежда у столика с хилой электроплиткой, вдвойне убогой на фоне великолепной деревенской печи. Хозяйка больше не охала насчет Светы, не вспоминала страшную аварию, не причитала и не старалась угодить – она была спокойна и деловита, по-своему даже равнодушна. И правильно, довольно прикармливать бездомную кошку. Будь как дома, но не забывай, что в гостях. Скоро все закончится. Пастельный сон даст трещину, выбросит в откровенный мир, укромный, изогнутый холод, кирпичи и топот, сверкание лезвий и квадратные глаза экранов... нет, сон просто закончится дома, к полудню, и мама спросит, что за дури ты наглоталась на этой гулянке, а я отвечу: не поверишь – кислорода!

– Да, ходит какой-то автобус, – рассеянно ответила тетька Надя. – Где-то после полудня, минут в двадцать, точнее

не скажу.

– Минут в двадцать после полудня? То есть еще целых три часа?

– Ну, может не три... а ты спешишь, да?

– Да нет, просто... не привыкла.

– Да, скоро нас вообще забросят, ни автобусов не останется, ничего. Мы-то уже давно никуда не ездим... только сын мой в село, да в райцентр, и то, говорит, проще на тракторе. А Николайка да, Николайка ездит... куда же он ушел? Николайка часто... ну как часто, иногда уезжает. Кстати, он еще на другой автобус ходит, тоже в это время, но далеко, по другой дороге. Сам он как-то срезает хитро, через лесок, но тебе-то не с руки, с сумкой, по корягам...

– Да уж. Лучшие где попроще. А остановка, она далеко отсюда?

– Да нет, недалеко. Вы как сюда шли, от шоссе? Ну вот, если не заворачивать к нам, а еще столько же по дороге, как раз там и будет. Или знаешь как? Через деревню можешь, вот прямо по улице и до конца, и она опять к шоссе повернет.

– О, спасибо, а расписание там есть, на остановке, не знаете? Хотя ладно, все равно схожу, времени много, осмотрюсь заодно. А вас тут, кстати, есть что-нибудь такое... ну, какие-нибудь, кроме церкви... достопримечательности?

– Примечательности... да упаси бог. Дожить бы спо-

койно, без примечательностей. Так не дадут ведь. Крест такой. Еще ходят тут всякие туристы-журналисты, уже несколько раз, выскивают, как будто деревень других нет. Один раз вообще пришли и говорят, где тут у вас эти, пришельцы?

– Аэ... что?

– Пришельцы, говорят, где? А то, говорят, мы про огни слышали, говорят, корабль какой у вас тут стоит. Что делать? Показать бы, где бесы зимуют, да нет, нехорошо, нельзя так с людьми. Молодые, несмышленные, ей-богу, как дети в этих городах. И горько так стало, страшно. Пришельцы. А Никитична говорит – с телевизора, точно с телевизора, как раз такого жмыха там, говорят, до сих пор пруд пруди. В общем, так и ходили тут, пока председатель их чуть на вилы не насадил. Только Николайка заступился, поговорил по-доброму, выпроводил, он это умеет. Сказал, что это были эти, как их... наркоманы. А Николайка знает, он жил там.

– Аммм...

– Ай, доча, прости, дура я, болтушка, совсем расклеилась. Сама-то ты не из таких, сразу видно, хорошая. Почти как Светка наша. Бедная девочка. А смотреть тут и вправду нечего. Домов с десятков осталось. Раньше все было, и колхоз, и сельсовет... хотя, бабушки говорили, еще до Революции все чахнуть начало. Вон, видала батюшкин дом?

– Простите?

– Эх, не надо было говорить. Забудь. Нечего там смотреть, разруха одна. Николайка его когда-то покупать думал. Любит он эту церкву. А я ему говорю, ты посмотри, что от него осталось! Да там пока разгребеешь, целый год уйдет. Да и люди, говорю, не поймут. Для них этот сарай, говорю, светлее самой церкви. Хотя что они понимают? Только бесятся попусту, шипят, как змеи, прости, Господи... И до сих пор, нет-нет, да сто грамм за воротник. Бедный батюшка.

– Батюшка?

– Ой... – Надежда попыталась задорно отмахнуться, но что-то не вышло. Вздохнула, как от усталости, да же зажмурилась и смерила гостью таким утяжеленным взглядом, что хоть проваливайся... еще чуть-чуть, и о титуле «хорошей» придется забыть.

– Понятно, – выговорила Марина в тишину. – А мне здесь нравится. Зря его Николай продает, этот дом.

– Продает? Как продает?

– Ну... вы же сами сказали, что он поближе к церкви хотел.

– Ой, да это когда было? И то почти шутя. Зачем ему эта развалина, когда вон он, какой дом стал, загляденье, а не дом! Бывало, целый день что-нибудь пилит, да строгает. Раньше Галка ругалась, и то работал, а уж потом раздухарился! Не берет его возраст. Да, хандрит иногда, грустит, скучает. Зачем мне, говорит, эти хоромы? Светка

не жалуется этот дом, понятное дело, это сейчас комната у нее как новая, а тогда нет, вообще бы из деревни уехала, если б было куда. А Николайка тоже, говорит, не выходит как у дедов, не то все, и люди косятся, и внучка чурается, да и молодости не вернуть. А я говорю, не надо уезжать, подумай, говорю, куда ты поедешь, опять себе в город, к этим родственникам, где тебя и так еле терпят с твоими книгами и ученостями? Или к бывшим друзьям, которым помогай не помогай, все равно только деньги на уме. А люди не косятся, люди наоборот тебя любят. А этот хрыщ, ты не обращай внимания. Скучает он по старой должности, да и все тут. Воду мутит, выскивает, как будто сам ничего не видел, когда с бабушкой... эх, да кто его слушает? Хорошие люди все за тебя. Как раньше-то жили, из дому боялись ночью выйти! Уши не заткнешь. А теперь хоть какая-то управа на бесов. Только ты нас и бережешь, говорю, без тебя еще лезут, а с тобой никогда, даже гулов почти не бывает. Значит, светлый ты человек, хоть и в церкву ходишь как ученый. Так и живем уже пять лет. Ездит он, правда, часто, то к родственникам, то к ученым своим, но что делать? Нельзя против воли. Просить можно, а против воли нельзя, не наш это промысел. Благодарить надо, хоть возвращается. Да нет, не будет он продавать. Было б еще, кому, а то ведь не купит никто. Нету дураков. В Чернобыле поди спокойней. Или как он там говорил? Что-то опять пропало, да? Снова паспорт?

– Паспорт? Ааа... я не знаю, мне этот сказал, Иван или как его там. Кстати где он?

– Спит еще, наверно.

– Спит?! Вот наглец. Вы его это... чем-нибудь холодным опрысните, а то этих москвичей пока за шкуру не выкинешь, до обеда из норы не вылезут.

– Да пусть спит. Намучился вчера, такое пережить...

Хотела Марина сказать, как этот «намучившийся» вчера чуть дом не сжег, но не решилась.

– Пусть отдыхает, – продолжала тетя Надя. – Худой весь, а такой рюкзак тащил, как этот самый... Да и ты тоже неважнецки, как тростинка... изголодалась наверно в институте? Тяжело сейчас студентам, да? Тяжело. По-спала бы еще, время есть. Это же шок, дело такое. Вон, Светка до сих пор... ладно, может, вас проводить?

– Да нет, спасибо, не надо. Лучшие сама прогуляюсь. Обещаю, пришельцев искать не буду! Так, покараулю автобус, полюбуюсь видами... нет, серьезно, у вас тут очень красиво! Может, даже еще раз до церкви дойду.

– Ты только это... в самую церкву-то особо не лазай.

– Хорошо, не буду... а что? Она ж вроде заброшенная.

– Так аварийная, разваливается уже сто лет. Батюшка вон как старался, красил, перекладывал, целые машины привозил, да не на ту силу наступил. Не на ту...

– В смысле?

– ...А года три назад наоборот снести пытались, и то-

уже не получилось. Николайка рассказывал. Любит он эту церкву. Боится, но любит.

– Боится? В каком смысле? В смысле аварийности?

– А? Да. Да, аварийности. Там же это, постоянно то кирпич упадет, то дерево.

– Дерево?

– Ага. Видала, какие там деревья наверху, прямо в кирпичах корни пустили. А кирпичи хрупкие, вот и сдувает иногда, прямо целые бревна, как с неба. Страшно. Всего-то пять лет прошло, а как будто вчера, прямо как утро наступает, так и сердце сжимается... ребята, дети еще совсем, олухи, прости Господи... одного сразу насмерть... как избавление... видать, меньше всего нагрешил...

Раздался звон металла. Надежда задела какую-то посудину и чуть не уронила. Марина открыла было рот, но так и застыла, увидев это лицо мутнее воска и стальной таран во взгляде доброй женщины.

– П-понятно, – ответила она. – Спасибо, что сказали. Буду знать. Ладно, не пойду к церкви, пройдусь по улице. И это... спасибо за все.

Она встала из-за стола с одним интенсивным, не пойми откуда взявшимся желанием: скорее бы на воздух.

* * *

В приповерхностной прослойке сновиденческого ком-

паунда, пронизываемого утренними токами, реальными, но еще далекими до пробоя, Иоганн плавал, замирая от тусклого, несветового счастья. Он сидел в уютном кабинете, с большим окном, вбрасывающим свет через полуоткрытые веки, и ощущал необыкновенную легкость мыслей, как будто голову оторвали от тела и положили на качели. Рядом с ним был не менее счастлив какой-то гражданин средних лет в костюме с галстуком. Они играючи беседовали о несусветно простых вещах, от которых у посторонних закипали мозги: вопрос, ответ, разъяснение, уточнение, области применения, системные требования, расчет вероятности распознавания в заданных условиях и т. д. Потом гражданин в костюме крепко пожал ему руку и спросил, как он сумел за столь сжатые сроки поднять такую глыбу и чем он занимался раньше. На что был не менее задорный ответ: [вы еще не знаете, какую глыбу в сжатые сроки можно уронить] какая разница, зачем оглядываться на прошлое, надо смотреть в будущее – еще много работы: отточить алгоритм, упростить и сделать не только универсальным, но и более эффективным, чем механические, магнитные и даже оптические маркеры. Ну и подвести обоснование, применимость в народном хозяйстве. На том они и распрощались; энтузиаст вышел из кабинета и пошел по коридору навстречу холодному свету, замедляя шаг, убавляя рвение, чтобы спокойно и без нахрапа раскрыть себе веки.

Проснувшись в полдесятого, Иоганн немедленно понял,

что уже давно так хорошо не высыпался. Несмотря на вчерашнюю катастрофу, на короткое замыкание и отваливающиеся провода, на запах паленого и угрозу того, что многострадальные транзисторы на этот раз уж точно отправились к праотцам, первая ночь «не знамо где и какого хрена» прошла спокойно и плодотворно. Прямоугольник окна и гордый шпиль-терминал стародавней катушки на его фоне – вот, что он увидел, открыв глаза. О чем еще можно мечтать?

[О том, чтобы счастливые сны случались чаще и не казались поутру настолько бесполезно заполненными абсолютно неизвестными словами.]

«Пятнадцать сантиметров, – подумал тогда Иоганн. – Мало, но ведь работает! Ладно, это все фигня. Отныне я могу спокойно оставить эту теслу на память дяде Николаю в знак благодарности за его кладовую! Это же охренеть! Такая труба и такой запас проволоки! Да еще приборы, компоненты, химия... да я намотаю такую катушку, что мне буржуи будут завидовать!»

Только спустя час – полтора после подъема Иоганн вспомнил о несчастном чуваке, который должен ему транзисторы. Воспоминание еще отдавало горчинкой, но паника самодемонтировалась, нервы расслабились, и только ирония навела на мысль, что с учетом последних достижений бартер можно расширить и взамен потребовать у чела еще какие-нибудь свежие электрочудеса.

Вопреки худшим опасениям, в деревенском доме был хо-

лодильник (в главной комнате), при этом порядочно заполненный: морозилка мясными продуктами, основное отделение, как водится, всем остальным, но в основном молочным. Это к тому, что в доме было пусто (или все еще спали, но такой вариант ирреален), и конструировать себе завтрак пришлось самому.

В отличие от холодильника, туалет не разошелся с его ожиданиями, представляя собой деревянную пристройку к сараю, с сидением поверх прорези в деревянных же досках. Иоганн почитал о потеплении отношений между СССР и КНР, о новой модели микрокалькулятора «Электроника», об ускорении, об успехах кооперативов и т. п. Остальные газетные стопки, судя по желтизне, относились примерно к тем же годам. Попадались и чистые листы (на одном из них было нарисовано что-то среднее между христианским крестом и карточным знаком крестей), а также более новые газеты: скандал с заместителем губернатора, организованная преступность и разборки, неурожай и лесные пожары, аварийный памятник Ленину в селе таком-то и не менее аварийные бараки в другом – несмотря на современность, это областное СМИ по ветхости бумаги опережало даже остатки советской печати. Но гвоздем издания была криминальная хроника, в которой говорилось о неопознанном трупе, найденном на берегу речки такой-то. «У убитого срезано и выжжено лицо, отсутствуют ступни и кисти рук – конечности сточены, обглоданы и так же серьезно обожжены». «Речь мо-

жет идти о ритуальном убийстве, каннибализме или просто о расправе на почве ненависти по национальному или религиозному признаку», не теряя духа, подытоживал автор статьи пятилетней давности. В общем, лучше уж читать об успехах перестройки в этом храме задумчивости, заключил для себя Иоганн, выходя на воздух поспешнее, чем планировал.

Он хотел прогуляться, но все-таки вернулся в дом, дабы свежие мысли поскорее вступили в нормальную активную область. Итак, он будет строить новую катушку Тесла.

Вначале следовало выбрать трубу для вторички, которую предстоит подровнять, помыть и проделать как минимум две дырки для крепления провода и, возможно, разъемов: снизу – для земли, сверху – для тороида и терминала. Правильное крепление проводников очень важно, ведь нужен не только надежный контакт, но и минимальная напряженность электрического поля. Не стоит забывать, что вторичная обмотка трансформатора Тесла – самый важный исполнительный узел, между его концами напряжение достигает максимального значения. Хорошее решение – стандартные разъемы максимально округлых форм. Один чел из интернета воспользовался простейшими, дешевыми аудиоразъемами, но Иоганну это решение не казалось надежным. Сам он пробовал разъемы питания, ВЧ-соединители и еще несколько типов, не помню точно каких, но поскольку даже в кладовой чудес подходящего коннектора не нашлось, он решил ограничиться болтами с шайбами и гайкой. Как говорится,

дешево и сердито.

Со стороны могло показаться, что мой знакомый совсем охренел. Ему и самому приходила в голову эта дельная мысль. Однако Николай навестил его еще утром и весьма позитивно оценил несколько труб, вываленных на пол. Улыбка на лице холерика могла означать все, что угодно, и все же Иоганн сразу прочел: «Продолжайте в том же духе, молодой человек, и не беспокойтесь ни о чем». Это положение, по самой сути своей наглое, в дальнейшем только укреплялось. Похоже, Николай, как и любой не слишком бытоозабоченный хозяин, осознал всю выгоду от того, что содержимое кладовой в кой-то веки будет разобрано, проинспектировано, а то и вовсе увезено отсюда на хрен – не стоит забывать, что Николай с самого начала обозначил этот дом как будущий объект продажи. Так что ради великой идеи стоило потерпеть и временный беспорядок в доме, и временного постояльца, и удвоенные расходы на еду.

Ближе к полудню погода начала проясняться (до этого она была пасмурной). Иоганн заметил данный факт, когда вышел в огород помыть каркас (трубу) в бочке для полива грядок. Бочек было несколько, но лишь одна располагала чистой водой; вообще огород выглядел диким и заросшим, словно трудолюбивому хозяину в определенный момент жизни все стало откровенно впадлу. Иоганн промывал трубу удачно найденной тряпкой и мог бы задорно посвистывать, если бы имел такую привычку. Закончив мытье, он поднял трубу вер-

тикально, аккуратно, чтобы снова не запачкать, и, окинув огород взглядом триумфатора, вздрогнул от неожиданности.

Девушка со светлыми волосами, в платье неопределенной серо-красной расцветки стояла метрах в двадцати от него, неподвижно, основательно, словно статуя. Прежде чем труба заскользила из рук, «трубомой» собрался, вспомнил, что вообще-то не один тут на селе, успокоился, настроил улыбку, рискнул взглянуть в незнакомое округлое лицо, но на что-то большее его решимости не хватило. Сама девушка была весьма даже ничего, по крайней мере по части фигуры, приятной, безмятежно округлой, которую можно было сравнить с гитарой, но Иоганн сравнил с проводником, оптимизированным под низкую напряженность электрического поля. В общем, девушка была весьма симпатичным дополнением к пейзажу, только взгляд ее как-то не благословлял на подвиги. Иоганн не мог поручиться, что в ее глазах был испуг, однако именно это соображение первым пришло ему в голову.

«Она здесь живет? Ее не предупредили? Может, я ее напугал? – подумал он, инстинктивно причесавшись и ущипнув подбородок. – Да нет, вроде брился недавно».

Потом ему стало казаться, что девушка смотрит даже не на него, а на трубу, висящую в его поднятой руке. Это объяснимо, такая царь-пушка просто обязана выглядеть сурово, даже помытая. Впрочем, подтвердить или опровергнуть этого ему не удалось, поскольку юная селянка в итоге убе-

жала куда-то за стену густой листвы. Иоганн пожал плечами, схватил покрепче трубу и пошел домой со странной перебитостью в настроении: то ли радоваться, то ли грустить, то ли вообще хрен знает что.

Через полчаса болты были поставлены в аккуратно просверленные ручной дрелью отверстия, труба подготовлена для намотки, а мысли все равно каждую минуту срывались на молодой женский образ, с округлыми, но стройными формами и неподтвержденным испугом в глазах. Нехорошо отвлекаться от насущных дел, но что поделать, если настроение хорошее; так что из каждых 10 секунд по меньшей мере одна была посвящена теплым мыслям с эротическим подтекстом. Он даже вспомнил о вчерашнем видении из окна, в реальности которого у него так и остались сомнения, и подумал, что сегодняшняя блондинка ему нравится больше; по крайней мере, сейчас, когда душа, несмотря на огонь увлечения, все еще просила чего-то простого, округлого, ненапряженного – благодатного фона, который бы мотивировал, но не отвлекал. И не заставлял дергаться и морщиться от лепешки зловонной памяти под ногами.

Именно в этот момент случилось то, что можно было назвать издевательской усмешкой богов. Иоганн покачнулся на корточках, словно пораженный разрядом, ухватился за кровать, но быстро опомнился, прошептав себе под нос что-то наподобие «Тьфу ты, блин!». А что еще можно выго-

ворить, если столько джоулей тaitся в одном простом слове (команде, заклинании, нужное подчеркнуть), которое порусски звучит как «привет»?

Ее голос был тихий, небрежно-расслабленный, но все равно это был ее голос. Она стояла на пороге, опершись на косяк, одетая, чистая и странно спокойная, словно кому-то назло. Почти знакомое лицо, однако умытое, свежее, женственное, хоть и немного квадратное; знакомые волосы, русые со слабым бордовым оттенком. Он даже помнил ее имя – Дарина – удивительно цепко, навязчиво, непримиримо, словно комок в горле. Значит, она не уехала, думал он далее. Значит, она ночевала здесь, в той самой комнате через два окна, и без одежды вполне могла быть реальной; по крайней мере, фигурой подходила. Ее фигура была совсем не похожа на тот плавный образ, увиденный в огороде, и даже свободная куртка не скрывала упругости тонкой стальной проволоки, а значит, не скрывала и всей подоплеки, уходящей в обгорелое, разорванное прошлое почти суточной давности. Тем временем подвисла тишина, неловкая и тупая как тупик, образовавшийся на острие вопроса: «Зачем она сюда пришла?».

Дальнейшие слова и события заставили его и вовсе пересмотреть уровень адекватности видимой части вселенной.

А чего ей еще оставалось ждать? Душевного взгляда, гордой осанки: не бойся, держись за меня? Нет, все закончилось еще сутки назад, и гордость, и душевность, и держалка, и сама жизнь, какой она ее знала. Конечно, реальность утешала, гладила по головке, разбавляла горечь ванилью – вот, и травка зеленая, и небо синее, и у тебя почти ничего не болит... но не могла она справиться со всем, эта реальность, стекала, как вода по кружке, и обнажала поверхность, сухую и пластмассовую... как туалетная труба в руках этого маньяка-задрота.

– Поедешь на автобусе? – спросила она, еще бодрая, заряженная, самоуверенная.

– На каком?

– Ну, не знаю, ходит какой-то. Тебе Николай разве не говорил? Советую поспешить. Если не хочешь завязнуть тут еще на сутки.

– А... а что такая паника? – проговорил он, не отрываясь от своей сантехнической прелести.

– Паника? А, ну да... по сравнению с твоей комнатой да, у меня паника, меня ждут дома, и мне не хочется, чтобы меня начали искать по моргам, пока я тут торчу в этой дыре!

– Ну... есть одно решение. Очень секретное. Те-ле-фон.

– Юмор?

– Типа того. Здравый смысл зовется.

– Тебя бы к нам, в КВН, с таким здравым смыслом. Да, а на автобус ты точно не успеешь. Тебе еще комнату отмывать, а я сомневаюсь, что жильцы отпустят тебя просто так. Кстати, ты где нашел место, где телефоны ловят?

– Не помню. Где-то в огороде. Взял и позвонил. А что? Или ты все пыталась из дома дозвониться. Тогда понимаю. Из дома вообще труба. Какой-то он прямо... как бомбоубежище.

– Вот-вот. А еще слишком просторный и пустующий. Ну, так что, ты едешь?

– Нет. Я договорился с Николаем, поживу здесь еще пару дней.

– Пару дней?! Ну ты герой. Впрочем, твое дело. Ну ладно, я тогда пошла.

– Угу...

– Чао!

– Это... подожди!

– Да?

– Это самое... что за фигня? Герой, дыра, завязнуть... я что-то пропустил?

– Да. Ты пропустил полдня. Если бы ты не сидел в этой затхлой раковине, а прошелся бы по деревне, ты бы заметил, что здесь не просто, как ты говоришь, фигня.

– Не просто фигня? А что?

Он спросил. Дожили. И как теперь ему объяснить?

– Тебе не кажется, что эта деревня... – сказала Марина, запинаясь, чувствуя, как слова безнадежно таят у нее на языке, словно крошки очень горького шоколада. – ...Ну, с ней что-то не так?

– Честно? Нет. Вчера казалось. Потому что все было не так. Начиная от дороги, и кончая... т-тобой. А сегодня нет, не кажется.

– А ты заметил, что в деревне нет антенн для телевизоров?

– Нет. Это плохо?

– Это не плохо, просто так не бывает. Это не какая-нибудь Африка, здесь может не быть интернета, но телевизоры давно у всех есть. Вон, Надежда, соседка, упоминала про то, что по телевизору показывают, но, извините, где она его смотрела? Ты где-нибудь здесь видел в доме телевизор?

– Видел. Вон там, в кладовой валяется.

– Вот именно, валяется. Я тоже тут видела... прямо в овраге штук пять, разломанных и обгоревших. Причем... я, конечно, не сильно в этом разбираюсь, но мне показалось, не такое уж старье, вполне себе современные. Даже непонятно, они ведь пластмассовые, воняют, небось, на всю деревню, зачем их жечь-то?

– Как зачем? Это как у этого самого, у Брэдберри, сколь-

ко-то там по Фаренгейту, только все наоборот, и те, кто жгут, хорошие. Сам бы сжег эти зомбящики.

– А антенны тоже сожгли? Кстати, почему тут так много опалин, как будто поджигали и тушили на скорость? И почему у трети домов стоят шесть деревянные над крышей, а самих антенн нет?

– Слушай, а почему в этой деревне нет синих дикобразов, ты не задумывалась?

– Синих дикобразов? Даже не знаю. Наверно, их съели висломозгие ленивцы. Такие, сумчатые. Я бы даже сказала, рюкзачно-баулистые. А деревья?

– Что деревья?

– Да ничего! По небу летают! Как избавление. Все с тобой ясно. Даже говорить бесполезно. Почему у людей такие лица, почему тетя Надя чуть не плачет о том, что здесь творилось и до сих пор творится. Почему Николай у нее какой-то прямо благодетель, которому нельзя уезжать, и что у него там такого страшного с паспортом?

– А...

– Подожди, это еще не все. Почему моя сожительница стонет по ночам, да еще глухая не по годам? Не знаешь? Или почему одна бабуля жалуется другой, что буренка с того раза так и не доится? И причем здесь, наконец, какой-то батюшка и его полусгнивший домик, когда церковь уже сто лет не работает?!

– Хм. Ты вроде сказала, что мне бесполезно говорить?

– А как тебе это? Пять минут назад, идет мужчина, такой, лет пятьдесят, наверно. С барашком, маленьким, такая лапочка, просто ммм... только весь какой-то замученный, издерганный, еле двигает ножками, а мужчина его то ногами толкает, то тащит прямо за голову! А потом еще один мужик к нему на дорогу вышел, какой-то лысый такой, усаый, говорит, чо, совсем? А он ему, да, типа, так и не оклемался. Как оглох, говорит, с того раза, так и все, не растет, почти не ест ничего, придется забить.

– Угу, а ты в слезах побежала к этому барашку, закрыть собой. И нечаянно раздавила в кровяицу.

– Какая же ты сволочь, Иван. Нет, я не успела. Пока выбежала, они успели уйти. Зашли во двор, вон там вон, в конце улицы. И все. Не хотела просто расстраиваться, а так бы, может, и догнала. У него еще голос такой, у этого первого, вроде не грубый, но, блин... как будто бес вселился, или как у сектанта какого-то.

– А, ну понятно, у них тут секта. Жертвоприношение, очищение от телескверны – охренеть, всегда мечтал попасть в такую крутотень. Нет, точно остаюсь; может, вечером еще ведьм сжигать будут? Оставайся! Будет, кого... кхм, спасти.

– Понятно, – вздохнула Марина. – Ну ладно, я тогда пойду. Извини, что потревожила.

– Угу...

– Прощай!

Он смотрел ей вслед. Она чувствовала это серединой спины, он не мог ничего поделать, только сидел напряженный как струна и смотрел. Все-таки проняло, подумала она, все-таки задело какие-то клавиши, значит, не истукан, не дупло электрических тараканов...

Марина спустилась с крыльца на траву, но далеко не ушла. Надо собираться. Черт с ним, с Иванушкой, висломозгим и бесстрашным...

А может, он прав? Нет, правда... пустая впечатлительность расшатанной души, которой сегодня плохо спалось, вот она и мстит, не телу, так сознанию. Не может одно и то же и нравиться, и не нравиться... ну, хорошо, может... но не одновременно! И вообще неизвестно, как будет в этот раз, отпружинит, снова понравится или прилипнет к этому дегтю? Или застынет (ага, мечтай!) на чем-то среднем, разумном и твердом, как бюст Эйнштейна. В любом случае не идти же теперь в обход?

А время шло, и шло в обход, и шло издевательски медленно. Прогулка до остановки, ожидание, сборы... все словно размазано по линолеуму памяти, на котором не цветочки, не квадратики, а что-то мутное и страшное, вроде масок древних Майя. Вроде только собралась, попрощалась, вышла, навела улыбку... и вот снова какая-то муть. Марина увидела несколько деревьев, далеко, за огородами, наверняка на лугах, а вернее, на пустыре за деревней. Высокие, они смотрелись одиноко даже отсюда, наполовину скрытые

за плодовыми насаждениями. Одно совсем сухое, несколько толстых веток и все. Двое других как бы живые, как бы с листочками, вот только быстро эти листочки иссякали кверху. Верхушка была просто голая, что у одного, что у другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.